МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Н. Е. Журбина, Е. И. Якушкина

МИГРАЦИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РЕГИОНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.

Хрестоматия для вузов

EUMig - Migration in the EU: challenges and opportunities
Project number 574993-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-MODULE

Оглавление

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) …….. 3

Ландри А. Демографическая революция ……. 10

Захаров С. Второй демографический переход и
изменение возрастной модели рождаемости …… 20

Тевенон О. Семейная политика в развитых странах:
контрастирующие модели …….. 23

Иноземцев В.Л. Иммиграция в современном мире:
новая проблема нового столетия ……... 30

Wallerstein I. Passions about migrants …… 39

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Категоризация
культуры по Э. Холлу: концепция «культурной грамматики» ……... 41

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Категоризация
культуры по Г. Хофстеде: концепция «ментальных программ» …… 46

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Культурный шок
в процессе освоения чужой культуры ……... 50

Нагорняк А. А. Виды коммуникативных неудач в ситуациях
межкультурного общения ……... 55

Билз Р. Л. Аккультурация. Проблемы определения и
использования термина ……... 59

Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р.
Стратегии аккультурации …… 62

Почебут Л. Г. Аккультурация ……... 64

Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры …… 67

Резолюция 34/180 генеральной ассамблеи ООН от 18 декабря
1979 года. **Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации
в отношении женщин** …… 70

Макаров А. Я. Социокультурная адаптация детей мигрантов
в сфере образования: европейский опыт и Россия ……75

Л.Л. Рыбаковский

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

ГЛАВА 2
МИГРАЦИЯ – ПРОЦЕСС ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Уровень разработанности понятийного аппарата, характеризующего то или иное общественное явление, во многом зависит от продолжительности, глубины и размаха проводимых исследований. Если практической необходимости в таком научном аппарате нет, то нет и понятийного аппарата. Собственно, это и произошло с миграцией населения. Как только в начале 30-х годов прекратилось изучение миграции населения, произошла и "эрозия" термина "миграция". Миграция в истинном понимании выпала из справочной литературы. Ее не оказалось и во втором издании БСЭ, осуществленном уже в 1954 году. Лишь в третьем издании МСЭ (1959 г.) и Краткой географической энциклопедии (1961 г.) термин "миграция" был восстановлен в интерпретации В.В. Покшишевского.

С наступившим во второй половине 60-х годов и продолжавшемся до середины 70-х годов ренессансом в изучении миграции населения связано появление большого количества определений этого явления и попыток его классификации. Активизация изучения миграции привела к применению множества различных терминов. Миграцию стали называть территориальным, географическим, пространственным явлением, пытаясь иногда выявить семантические различия там, где их нет. Миграцию определяют как мобильность (лат. mobilis) или в русском аналоге – подвижность, она же – движение, перемещение, переселение, перераспределение и т.д. Терминологическая путаница потребовала наведения порядка в научном аппарате. В обосновании терминологии и классификации определений участвовали Б.С. Хорев, В.И. Староверов и многие другие исследователи миграции населения (27,33). К числу последних попыток дать обстоятельный разбор определений миграции и осуществить их классификацию относится исследование украинского демографа А.У. Хомры (142). К сожалению, его подход не был выдержан последовательно, автор смешал различные точки зрения, не сумев разделить широкое и узкое толкование миграции населения (31). Если не касаться различных мелких нюансов, то все определения миграции населения можно распределить на три группы, приняв в качестве классификационного признака сущностный момент.

К первой группе, достаточно широко распространенной в конце XX века, относятся определения, смешивающие различные виды движения населения, в частности, миграционное и социальное. Здесь к миграции относят отраслевое, территориальное, профессиональное и социальное движения (30). А.У. Хомра такой подход к определению миграции называл широким. (32). Однако суть не в том, как называть подход, а в том, что к миграции относят

различные формы социального движения, хотя очевидно, что неправомерно миграционное и социальное движение объединять одним понятием. К сожалению, подобное встречается довольно часто.

В опубликованной в 60-е годы работе Я. Щепаньский определяет миграцию как любое перемещение независимо от изменения места в географическом пространстве (36). В начале 70-х годов М.В. Курман в ряде работ попытался определить миграцию как любую форму социального движения. Им, например, текучесть кадров была представлена как вид миграции (11). Позже он заметил, что территориальная миграция не исчерпывает всего многообразия видов миграции населения. К ней относится межотраслевая и внутриотраслевая миграция, которые можно назвать производственной миграцией. Вполне правомерно говорить об образовательной и профессиональной миграции. Далее он замечает, что «к миграциям населения в широком смысле слова следует относить все виды движения населения, имеющие общественную значимость» (28. с. 98). В 1976 г. указанная точка зрения была им подтверждена (10).

Собственно точка зрения М.В. Курмана является повторением того, о чем говорили Э.Ф. Баранов и Б.Д. Бреев еще во второй половине 60-х годов. По их мнению, миграция может рассматриваться с точки зрения трех различных аспектов – как территориальная, отраслевая и профессиональная миграция. Этот подход обусловлен был тем, что авторы подменили термин мобильность термином миграция. Как только они подвели различные виды перемещений под единое родовое понятие «мобильность», все стало на свои места. В опубликованной в 1977 году работе Б.Д. Бреев пишет не о миграции или миграционной мобильности, а о том, что подвижность включает в себя территориальное, отраслевое и профессиональное перемещение (4). В этой и особенно в работе, опубликованной в 1982 г., он под подвижностью понимает выражение способности человека к изменению своего общественного статуса (37. с. 35). В таком понимании подвижности и ее видов эта точка зрения не может быть отнесена, как это делает А.У. Хомра, к данной группе определений, поскольку речь у Б.Д. Бреева идет не о миграции, а о подвижности населения, и ее, кстати, он уже рассматривает не как перемещение, а как способность к ней.

Говоря об этой точке зрения в целом, следует подчеркнуть, что суть состоит в том, что все определения, в которых миграция приравнивается к различным видам движения, по существу, смешивают территориальное и социальное движение. Здесь происходит отождествление разных явлений: перемещения людей по территории и перемещения людей по образовательным группам, профессиям, отраслям, предприятиям и т.д. Действительно, это все перемещения, но перемещения, имеющие разный характер и тем более результат.

Ко второй группе, наиболее распространенной и признаваемой ныне большинством, относят те определения миграции, которые включают только территориальные перемещения населения. Характеристику этой группы

определений следует начинать не с работ Ю.Н. Козырева или Б.С. Хорева, относящихся к 70-м годам, как это делает А.У. Хомра, а с работ конца 50-х - начала 60-х годов, когда впервые в послевоенной литературе были сформулированы все возможные варианты определений миграции, относящихся к территориальным перемещениям населения. Спустя 20 с лишним лет В.И. Переведенцев вновь повторил, что миграцию населения можно рассматривать в широком смысле слова как совокупность всяких перемещений людей в пространстве и в более узком, специальном значении слова как совокупность переселений людей, связанных со сменой ими места жительства на относительно продолжительный срок (21).

Рассматривая миграции лишь как территориальные перемещения населения, следует заметить, что они весьма различны и по расстоянию между местом выхода и местом вселения, и по статусу тех объектов, между которыми происходят перемещения мигрантов, и по срокам, на которые перемещаются люди, и по целям, которые они при этом преследуют. Перемещения могут происходить как внутри населенного пункта, так и между населенными пунктами различного социально-экономического статуса, внутри и между территориями различного таксономического значения. При этом перемещения могут совершаться добровольно, принудительно и вынужденно. В их основе могут лежать экономические, экологические, социальные, политические, религиозные и иные факторы. Миграции могут отличаться не только в зависимости от обусловливающих их факторов и методов перемещения, но и от их направлений, целей и т.д. Всем этим и обусловливается многообразие определений миграции населения.

Можно выделить по крайней мере три возможных подхода к включению в миграцию различных видов территориального движения населения. Прежде всего под миграцией понимается все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей. Сюда относят переезды из одних населенных пунктов в другие, ежедневные поездки на работу или учебу за пределы населенных мест, прибытие в тот или иной район на временные, в том числе и сезонные работы, поездки в командировки, отпуск и другие перемещения. Большинство исследователей исключают из миграции те пространственные перемещения, которые совершаются в пределах одного и того же населенного пункта. Однако единства взглядов в этом отношении нет. Например, Ю.Н. Козырев относил к миграции все перемещения, которые совершаются внутри населенных пунктов, даже если они связаны с посещением торговых предприятий (6. с. 76)

Далее, в миграцию включают такие пространственные перемещения, совершающиеся между населенными пунктами, которые ведут к постоянной или временной смене места жительства, а также представляют регулярное двустороннее движение между местом жительства и сферой труда или учебы.

Не учитываются возвратные эпизодически совершающиеся деловые и рекреационные поездки из одних населенных мест в другие.

Наконец, к миграции относят такой процесс пространственного движения населения, который в конечном счете ведет к его территориальному перераспределению. В этом случае отнесение пространственного перемещения к миграции определяется фактическим переселением из одной местности в другую и в ряде стран формальной регистрацией в новом месте жительства. При этом здесь происходит соединение места жительства со сферой приложения труда, учебы или иной деятельности в одном населенном пункте.

В зависимости от одного из трех подходов или их комбинации можно к миграции отнести любой набор видов территориального перемещения населения. Не случайно в литературе можно встретить самые противоположные точки зрения. Так, И.С. Матлин к миграциям относит перемену мест жительства и маятниковую миграцию (16), в то время как В.В. Покшишевский считает, что маятниковую миграцию нужно исключить, так как она является лишь особой формой расселения (28. с. 14).

Большинство исследователей исходят, однако, из второго подхода, в соответствии с которым они к миграции относят три вида территориального перемещения населения. Но если исходить из первого подхода к определению миграции, то можно выделить не три, а четыре основных вида пространственного движения населения. К ним относятся эпизодическая, маятниковая, сезонная и постоянная миграции. Конечно, наиболее спорно включать в территориальное перемещение населения такой ее вид, как эпизодические поездки. Сначала А.У. Хомра включил в миграцию лишь такие поездки, как туризм (31), затем Л.Л. Шамилева отнесла к миграции рекреационные перемещения (35), которые К.Ш. Арасланов рассматривает и в составе временных (сезонных) миграций (2).

В семидесятые годы прошлого столетия нами было предложено рассматривать в качестве самостоятельного вида эпизодические миграции, которые вполне соответствуют понятию «территориальное перемещение населения». Все четыре вида миграции специфичны по своему характеру, а участвующее в них население преследует совершенно различные цели.

Эпизодические миграции представляют собой деловые, рекреационные и иные поездки, совершающиеся не только нерегулярно по времени, но и необязательно по одним и тем же направлениям. Если в деловых поездках участвуют трудоспособные контингенты, то в рекреационных – и остальная часть населения. Состав участников эпизодической миграции весьма разнообразен. По своим масштабам этот вид миграции, видимо, превосходит все остальные. К сожалению, изучается он весьма слабо. Исключение составляли, пожалуй, лишь туристские поездки, объем которых в советские годы постоянно возрастал. В начале 80-х годов число лиц, совершивших туристские путешествия, увеличилось по сравнению с 1970 г. более чем в 2

раза и превысило 60 млн. (1). Ныне многократно возросли масштабы поездок российских граждан на отдых и с туристическими целями за пределы страны, но увеличило ли это их общий объем, включая и внутренние перемещения, трудно сказать. Во всяком случае, представить цифру в 30 млн. поездок, а это доля России, пропорциональная численности ее населения в бывшем СССР, было бы чрезмерным преувеличением. Иное дело поездки «челноков», которые с определенной мерой условности можно отнести к эпизодическим миграциям. К ним, наверное, относятся и паломничество и некоторые другие перемещения.

Маятниковые миграции представляют ежедневные или еженедельные поездки населения от мест жительства до мест работы (и обратно), расположенных в разных населенных пунктах. В маятниковых миграциях участвует во многих странах значительная часть городского и сельского населения. В наиболее существенных масштабах она совершается в тех агломерациях, центрами которых являются крупные и крупнейшие города. В последние 10-20 лет значение маятниковых миграций в территориальных перемещениях населения существенно возросло. В ряде стран масштабы ежедневных маятниковых миграций близки к объемам ежегодных безвозвратных переселений и даже превышают их. По оценке Б.С. Хорева и В.Н. Чапека, в последней четверти XX века в СССР соотношение между постоянной и маятниковой миграцией составляло 2 к 3 (33).

Маятниковые мигранты увеличивают количественно и изменяют качественно трудовые ресурсы поселений – центров притяжения, где число рабочих мест превышает собственные ресурсы труда или не соответствует профессионально-квалификационной структуре населения. С другой стороны, маятниковая миграция создает условия для удовлетворения разнообразных потребностей в труде жителей, как правило, небольших поселений, в которых качественно, а иногда и количественно ограничен выбор рабочих мест.

Сезонные миграции – это перемещения главным образом трудоспособного населения к местам временной работы и жительства на срок обычно в несколько месяцев с сохранением возможности возвращения в места постоянного жительства. Сезонные миграции не только повышают реальный жизненный стандарт, но и удовлетворяют потребности производства, испытывающего дефицит рабочей силы. Подобные миграции возникают вследствие того, что в экономике ряда районов доминирующее положение принадлежит отраслям, в которых потребность в рабочей силе неравномерна во времени. В результате в сезоны наибольшего объема работ эти отрасли испытывают превышающую обычные размеры потребность в рабочей силе. Поскольку она не может быть удовлетворена за счет местных ресурсов труда, то дополнительная рабочая сила привлекается из других районов.

К отраслям с сезонным характером производства относится прежде всего сельское хозяйство. В этой отрасли в сезоны посевных и уборочных работ потребность в рабочей силе намного больше, чем в остальное, особенно зимнее время. К сезонным относятся отрасли по переработке

сельскохозяйственного сырья. Интеграция этой отрасли промышленности с сельским хозяйством заметно сокращает потребность в сезонной миграции. Отраслями с сезонным характером, или стадиями производства, являются также лесозаготовительная (сплавные работы), рыбодобывающая (прибрежный лов) и ряд других. Вместе с тем сезонный характер производства совсем не обязательно сопровождается сезонным характером труда. Агропромышленная интеграция, межотраслевое кооперирование в использовании рабочей силы, применение новых технологий и методов производства (например, океанического рыболовства) по существу сводит на нет потребность в сезонной миграции.

Безвозвратный вид (или переселение) может быть назван миграцией в строгом значении этого слова, соответствующий ему в этимологическом отношении. Этим объясняется тот факт, что ряд исследователей безвозвратную миграцию называют полной, полноценной, т.е. совершающейся насовсем. Безвозвратная миграция одновременно отвечает двум условиям: во-первых, население перемещается из одних населенных пунктов в другие, и, во-вторых, перемещения сопровождаются сменой постоянного места жительства. Первое условие исключает из миграции всевозможные перемещения населения внутри населенных пунктов, а второе – возвратные или краткосрочные поездки в другие населенные места.

Виды миграции различаются не только по формальным признакам, но и по существу. Так, безвозвратная миграция в отличие от других является важнейшим источником формирования постоянного состава населения в заселяемых местностях. Естественно, что между безвозвратной миграцией и остальными ее видами, как отмечал М.В. Курман, нет непреодолимой стены (10). Один вид миграции может превращаться в другой или выступать его исходным пунктом. В частности, эпизодическая, маятниковая и сезонная миграции порой бывают предшественниками безвозвратной миграции, так как они создают условия (в первую очередь информационные) для выбора возможного постоянного места жительства.

К третьей группе относятся определения, не разделяющие такие разные понятия, как перемещение и мобильность. Так, Т.М. Караханова считает, что определение сущности миграции населения должно исходить из двух толкований, одно из которых рассматривает миграцию как форму географической мобильности (8). Чуть позже Л.Л. Шамилева повторила это определение, назвав миграцию формой мобильности населения (35). Собственно диссертации Т.М. Карахановой, Л.Л. Шамилевой и других аспирантов экономического факультета МГУ выполнены в русле работ Б.С. Хорева, который, поставив задачу создания «концепции миграционной подвижности населения во всех ее формах», сам во многих своих работах под миграционной подвижностью принимает миграцию в широком смысле этого слова, а в узком смысле – только переселения. Переселения в свою очередь –

это территориальная подвижность населения, т.е. совокупные характеристики межпоселенных передвижений любого вида.

Аналогичную позицию занимает О.В. Лармин, который рассматривает миграцию как часть миграционной подвижности.(13). В.Н. Чапек и В.М. Моисеенко в работах последних лет ушедшего века также не различали подвижность и переселение (19,34). В работах других исследователей миграции, таких, например, как В.И. Переведенцев, Т.И. Заславская, в том числе и наших, также до конца 70-х годов не проводилось различий между подвижностью и переселением. Так, в 1970 г. Т.И. Заславская определяла миграцию как географическую подвижность, т.е. перемещение из одних населенных мест в другие, а в 1973 г. она писала, что миграция населения является частной формой мобильности (18).

Вместе с тем термины «мобильность» (подвижность) и «перемещение» отнюдь не однозначны. И не случайно встречаются по крайней мере четыре различных толкования термина «миграционная подвижность». Мобильность рассматривается как общее понятие различных видов перемещения. Она – синоним переселения. Тот и другой подходы свойственны большинству исследований. В третьем случае мобильность выступает как общее понятие потенциальной и реальной миграции. Наконец, мобильность – это потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса (7). Еще в 1973 г., пожалуй, единственный исследователь – М.В. Курман – отмечал, что слово «мобильность» обозначает скорее потенциальную способность или готовность индивида к действию, чем само действие (28. с. 99).

В 1978 г. нами совместно с Т.И.Заславской было высказано соображение о том, что мобильность и миграция – это разные понятия. В опубликованной статье сказано, что мы считаем наиболее предпочтительным последнее определение. При таком подходе четко разграничивается, с одной стороны, психологическая готовность к перемещению, а с другой – фактическое перемещение населения (7). Определение же миграции как территориальной мобильности представляется неточным, и не только по терминологическим соображениям, но и по существу. Под миграцией населения следует понимать территориальное перемещение, а под мобильностью (подвижностью) – способность к миграции, т.е. потенциальную миграционную активность. Подчеркнем еще раз, миграция населения – это не мобильность, а фактическое перемещение. Мобильность, в свою очередь, – это не перемещение, а готовность к нему.

Выяснив суть территориального перемещения, установив различие между перемещением и подвижностью, можно дать определение миграции населения. Миграция в переводе с латинского означает перемещение, переселение. Применительно к человечеству термин «миграция» обычно употребляется в сочетании с населением. Заметим, что в научном отношении

термину «миграция населения» сильно повезло, ибо его этимологическое и современное смысловое значения в значительной степени совпадают.

Еще раз отметим, что перемещение и переселение – отнюдь не синонимы. Именно поэтому имеется возможность разными терминами именовать миграцию в узком и широком смысле слова. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянного места жительства, т.е. в буквальном смысле слова означает переселение. Термин переселение, широко используемый в литературе XIX века, очень точно отражает суть такого явления, как миграция. Иными словами, это тот случай, когда точность определения не принесена в жертву краткости.

Перемещение территориальное – более широкое толкование миграции. Многие исследователи к миграциям в широком смысле относят, как уже говорилось, наряду с безвозвратной также другие виды миграции населения. Словом, территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности представляет собой миграцию в широком значении этого слова.

Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (Вопросы теории)/ Л.Л. Рыбаковский//Рыбковский Леонид Леонидович, демограф, социолог, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. – URL : http://rybakovsky.ru/migracia2.html

Адольф Ландри

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Демографическая революция - одно из самых важных событий современной эпохи - эпохи отмеченной значительными достижениями, открытиями и изменениями во многих областях науки и технике, в институтах, доктринах и верованиях.

Обратимся, в частности, к Европе. Начиная с 19 века, ее население росло гораздо быстрее, чем в прежние времена, даже учитывая то, что Европа внесла существенный вклад в заселение многих районов: США и Канады, Аргентины и Бразилии, Французской Северной Африки и Южной Африки, Австралии, Сибири.

Исключением среди европейских стран стала Франция. Хотя население нынешней территории Франции между 1800 и 1930 гг. увеличилось на 48%, темп "естественного" прироста был меньшим, так как за период с 1841 по 1930 г. иммиграция во Франции превысила эмиграцию более чем на 3 миллиона

человек. Коэффициент естественного прироста, в среднем, был таким же, как в 18 веке.

Теперь посмотрим на Англию: население Англии и Уэльса в 1800 году составляло 8893000 жителей, в 1930 году - 39948000 - рост на 350%. Если учесть значительную эмиграцию за период - чистая эмиграция между 1841 и 1930 гг. составила 3252000 человек - можно видеть, что за счет естественного прироста население Англии, несомненно, могло бы упятериться за этот период. В предшествующие столетия ничего подобного, конечно, не происходило.

В 1800 году население Европы составляло 188 миллионов, оно выросло до 498 миллионов, то есть увеличилось на 165%.

Следует отметить, что в то время, как население Европы так быстро росло, материальные условия ее жителей тоже быстро улучшались: было подсчитано, что покупательная способность средней заработной платы во Франции за период между 1830 и 1910 гг. примерно удвоилась. И почти так же - вопреки предсказаниям Мальтуса - увеличилось потребление продуктов питания, равно как и других предметов потребления. Послужил ли рост производительности - результат, в основном, невиданного технологического прогресса - детерминантом ускорения роста населения или он стал его предпосылкой? Не будем торопиться с ответом на этот вопрос, к которому мы еще вернемся. Рассмотрим сначала демографические события, которые формируют естественный прирост населения, а именно, смертность и рождаемость.

С первой половины 19 века в Европе начала резко снижаться смертность.

Во Франции коэффициент смертности в 1770-74 годы составлял порядка 33 на тысячу, в 1811-20 гг. 26,1, в 1930 году - всего 16,3 на тысячу. В Швеции этот коэффициент составлял 27,4 на тысячу в 1749-60 гг., 27,9 в 1801-10 гг., но к 1930 году упал до 11,7 на тысячу. В Англии он снизился с 22,4 на тысячу в 1841-50 гг. до 12,3 в 1931 году; в Германии - с 26,8 в 1841-50 гг. до 11,1 на тысячу в 1930 году. В европейской части России коэффициент смертности снизился с 34,1 на тысячу в 1891-1900 гг. до 18,9 в 1928 году.

В действительности, общий коэффициент смертности не является корректным показателем, зависит от меняющейся возрастной структуры населения и был бы надежным измерителем только если бы соответствовал таблице смертности, построенной для соответствующего периода.

Если общий коэффициент смертности для Голландии и Австралии ниже 10‰, что означало, что ежегодно умирает менее одной сотой жителей этих стран, то это не значит, что средняя продолжительность жизни в этих двух странах составляет более 100 лет. Если в Саскачеване и Айдахо коэффициенты были равны соответственно 7,2‰ и 7,1‰, то опрометчиво полагать, что люди там живут, в среднем, до 140 лет. Дело, скорее, в том, что в этих регионах высока доля молодых людей, среди которых смертность низка, и незначительна доля стариков и младенцев, для которых характерна высокая смертность.

Только средняя продолжительность жизни, или "ожидаемая продолжительность жизни при рождении" позволяет нам правильно оценить смертность любого населения, если предположить, что различные показатели смертности, которые характерны для определенного возраста, на момент рождения младенца, остаются постоянными в течение его жизни. Эта ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин была такой:
во Франции - 52,2 года в 1920-25 гг. по сравнению с 38,3 года в 1825 году;
в Англии - 55,6 года в 1920 по сравнению с 39,9 в 1845 году;
в Германии - 56 лет в 1925 по сравнению с 35,6 года в 1875 году;
в Дании - 60,3 года в 1925 по сравнению с 42,6 года в 1845 году.

У женщин средняя продолжительность жизни, в зависимости от страны, на 2-4 года выше. А вот в Индии, ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин составляла всего 22,6 года в 1905 году.

Обращаясь к рождаемости, мы видим, что общий коэффициент рождаемости во Франции снижался более или менее непрерывно с начала 19 века, а если точнее, то с правления Людовика XV. Если в 1770-1774 г., коэффициент был равен 40‰, то в 1811-20 гг. он упал до 31,8‰ и продолжал сокращаться - до 17,3‰ в 1932 году, тенденция к снижению была почти непрерывной, кроме нескольких этапов стабилизации, самый продолжительный из которых пришелся на времена Второй империи.

В Швеции коэффициент рождаемости составлял 36 на тысячу в 1749-60 гг. и 30,9 в 1801-10 гг.; он вырос до 34,6 в 1821-30 гг., после чего стал быстро снижаться и упал до 14,5‰ к 1932 году.

Теперь посмотрим на страны, которые пережили резкое снижение рождаемости совсем недавно. В Финляндии общий коэффициент рождаемости находился на отметке 45 на тысячу в 1751-60 гг., 36,3 в 1801-10 гг., 38,2 в 1821-30 гг., все еще 37 на тысячу в 1871-80 гг., но упал до 19,5 в 1931 году. В Бельгии этот показатель был равен 33,5 на тысячу в 1831-40 гг. и 30,9 в 1841-50 гг.; он повысился до 32,3 в 1871-80 гг., но затем опустился до 18,2 в 1931 году. В Голландии коэффициент поднялся с 33 на тысячу в 1841-50 гг. до 36,2 в 1871-80 гг., но затем сократился до 22 в 1932 году. В Англии было похожее увеличение коэффициента до 35,4 на тысячу в 1871-80 гг., но в 1932 году он находился на отметке 15,1‰. В Германии этот показатель составил 39,1 в 1871-80 гг. и 15,1 в 1932 году.

В других странах снижение рождаемости началось позже и проходило иными темпами. Например, в Италии общий коэффициент рождаемости достиг своего максимума в 1881-90 гг. и был равен 37,8 на тысячу, но опустился до 23,6 в 1932 году. В Румынии коэффициент составлял 42,8 на тысячу в 1911-12 гг., затем снизился до 35 в 1930 году.

Приведенные цифры информативны и поучительны. Тем не менее общий коэффициент рождаемости, так же, как и общий коэффициент смертности, не дает полного понимания демографической реальности. Для оценки смертности, как было отмечено выше, важно знать ожидаемую продолжительность жизни для новорожденного при сохранении постоянными

возрастных коэффициентов смертности, наблюдающихся в момент его рождения. А для того, чтобы оценить рождаемость, нужно вычислить количество детей, которых предстоит родить новорожденному, если возрастные коэффициенты смертности и рождаемости останутся на неизменном уровне.

Согласно Кучинскому, 1000 девочек, родившихся во Франции в 1926 году, должны были родить 937 дочерей. В этом году, чистый коэффициент воспроизводства населения составлял 0,89 в Германии, 0,86 в Англии, и 0,93 в среднем для стран Западной и Северной Европы. В Австрии в 1928 году чистый коэффициент воспроизводства находился на отметке 0,782, в Швеции в 1930 году - на отметке 0,858.

Хотя во всех этих странах число рождений все еще превышает число смертей - благодаря возрастной структуре, сформированной предшествующими демографическими тенденциями, которая объясняет эту аномалию, - в этих странах уже практически установилась депопуляция. Чистый коэффициент воспроизводства населения ниже единицы в ряде стран свидетельствует о том, что демографические условия, существующие в этих странах, больше не обеспечивают замещения поколений. Более того, если рассматривать отдельно крупные города, а не страны, то можно увидеть, что там коэффициент воспроизводства еще ниже, и, следовательно, дефицит населения еще более значителен. Нетто-коэффициент воспроизводства для Стокгольма в 1930 году был равен 0,365, что обеспечивало замещение поколений чуть более чем на треть.

Такая ситуация не беспрецедентна. Депопуляция в результате снижения рождаемости наблюдалась в Древней Греции во времена Полибия. Это было характерно и для Древней Италии. Но в наше время этот феномен приобрел новые черты.

В древности "нерождаемость" затрагивала отдельные страны и некоторые провинции Римской империи. В наше время она распространена намного шире. Мы можем ожидать, что она утвердится во всем мире, - это произойдет, вероятно, в будущем, потому что современная цивилизация, чьим, так сказать, плодом и стала "нерождаемость", имеет тенденцию стать универсальной. Но уже сегодня нет ни одной европейской страны, где ее нельзя было бы обнаружить.

В европейской части России в 1928 году общий коэффициент рождаемости составлял 43,8 на тысячу - показатель, несомненно, очень высокий. Но прежде он превышал 50 на тысячу, в 1891-1900 гг. составлял 49,2. И хотя в 1928 году для всей Европейской России коэффициент рождаемости равнялся 43,8, на Украине было 34,2, в городах Украины - 26,5, в четырех крупнейших из них - 19,2, в Одессе - 17,9 на тысячу.

Вторая особенность, которую следует отметить, - это скорость снижения рождаемости и его ускорение, которое можно увидеть, если сравнить темп снижения в странах, где оно наблюдается уже давно, и в тех, в которых оно началось позднее.

Во Франции общий коэффициент рождаемости снизился с 31,8 на тысячу в 1811-20 гг. до 17,3 в 1932 году - снижение за 115 лет на 14,5 пунктов, или на 45%. В то же время в Германии показатель снизился с 39,1 на тысячу в 1871-80 гг. до 15 в 1932 году - снижение за 57 лет на 24,1 пункта, или на 62%. В 1912 году для Германии общий коэффициент рождаемости все еще составлял 35,1 на тысячу. Если считать эту дату отправной точкой, то можно отметить снижение на 57% за 20 лет, то есть за период, который более чем вдвое короче длины поколения. В Берлине рождаемость упала до 1/5 от ее прежнего уровня за период чуть более полувека. На Украине общий показатель рождаемости сократился на 20% в течение 3 лет с 42,7 до 34,2 на тысячу между 1925 и 1928 гг.; в то же время в Одессе он снизился с 30,8 до 17,9 (на 42%). Таким образом, обычаи, которые вначале складывались в некоторых странах относительно медленно, затем, благодаря заимствованию, распространялись в других странах гораздо быстрее, так быстро, что они осознавались как коллективный переход к чему-то новому уже задним числом.

Я отметил, что демографическая модель, которая распространяется сегодня во всем мире, - не новость в истории, и с этой точки зрения можно выразить сожаление, что опыт древних греков и римлян не был лучше изучен. Но вплоть до 19 века преобладали совсем другие модели демографического поведения.

Первая модель, которую следует упомянуть здесь, - это так называемая примитивная модель. Это модель поведения других существ, исключая человека; но в течение длительного времени она была моделью и человеческой жизни тоже. В наше время она все еще встречается во многих странах.

Эта модель характеризуется тем, что рождаемость, по крайней мере, в низших классах, то есть в самых многочисленных группах населения, максимальна, в результате чего население стремится к своему максимуму и, как правило, удерживается на этом уровне.

Рождаемость находится на максимальном уровне. Это не абсолютный максимум, а уровень, учитывающий не только индивидуальную способность к производству потомства, но также и обычаи, касающиеся возраста вступления в брак, продолжительности грудного вскармливания и так далее. Важно то, что экономические соображения ни прямо, ни косвенно не ограничивают рождаемость. Следовательно, население будет стремиться к росту своей численности до тех пор, пока ухудшение условий жизни, ставшее результатом этого роста, не приведет к повышению смертности до уровня рождаемости, тем самым остановив рост населения.

Можно легко прийти к заключению, что для этого население, относящееся к низшим классам, должно сократиться до "минимума средств к существованию". Это выражение может создать неверное впечатление. Если мы должны говорить о минимуме средств к существованию, давайте скажем ясно, что люди, которые сведены к такому минимуму, так же, как и животные, которые могут быть обречены на такой же уровень, не страдают ежедневно от крайних лишений. Для того, чтобы смертность сравнялась с рождаемостью,

столь высокой, какой может быть последняя, нет необходимости доходить до такого состояния.

Важно подчеркнуть, что примитивная демографическая модель предполагает равновесие: смертность будучи результатом плотности населения, в свою очередь, ограничивает плотность. Надо только добавить, что определение предполагаемого равновесия представляет известную трудность. Конечно, хотелось бы оставить в стороне катастрофы, порождаемые исключительными событиями, такими как наводнения, нашествия, чума. Но есть такие эпидемии и голодные годы, которые повторятся периодически, даже если их периодичность не очень регулярна. И если частота таких катастроф такова, что теоретический максимум населения достигается редко или не достигается никогда, можно ли определить равновесие, не принимая во внимание такие колебания?

Совершенно очевидно, что условия равновесия могли измениться. Потому что технологический прогресс увеличил производительность? Если взглянуть на всю картину в целом, не останавливаясь на отдельных типы товаров, для которых мог иметь значение рост производительности, то равновесие могло бы установиться при более многочисленном населении, обладающем тем же уровнем благосостояния. Если достижения в области медицины и гигиены позволяют сокращать смертность не только благодаря устранению эпидемий или способности предотвращать катастрофические подъемы смертности во время эпидемий, население растет. Но, если при этом не растет производство, то населению придется платить за полученный выигрыш снижающимся изо дня в день уровнем благосостояния. Чем успешней будет борьба с эпидемиями и голодом, тем чаще население будет достигать теоретического максимума, при котором уровень благосостояния ниже, чем когда население находится ниже этого максимума.

Теперь рассмотрим другую демографическую модель. Такая модель, существовала во Франции примерно до конца 18 века и позднее распространилась на другие страны. Она предполагает учет экономических факторов при формировании семьи. Каждый стремится, вообще говоря, к определенному уровню благополучия для себя и своей семьи, соответствующему образу жизни социального слоя, к которому он принадлежит. В целом, задача заключается в поддержании уровня благосостояния и предотвращении его снижения в результате чрезмерного увеличения семьи. Чтобы достигнуть этого результата, не нужно прибегать к контролю рождаемости: когда заключен брак, можно позволить природе следовать своим путем. Но когда семья большая, некоторые из детей не вступают в брак, особенно если семья зажиточна. Они поступают в монастырь, уезжают на заработки или остаются в отцовской семье, помогая в хозяйстве и в воспитании детей - племянников и племянниц. Многие из них, возможно, в конечном счете, вступят в брак, но только после того, как обеспечат себе достаток, который позволит им дать своим детям достойное воспитание.

Таким образом, я обрисовал вторую демографическую модель. Факты никогда не будут идеально соответствовать моему описанию. В примитивной демографической модели существует автоматический механизм: равновесие вытекает из цепочки причин и следствий, не зависящих от человеческой воли; деторождение без ограничений приводит к уровню жизни, который предопределяет уровень смертности. Во второй модели непосредственным регулятором численности населения становится не смертность, а брачность. В игру вступают расчеты, которые иногда требуют безбрачия, а иногда повышения возраста вступления в брак. Но цель, которая стоит за такими расчетами, - отмеченное мною выше стремление сохранить привычный образ жизни - будет в той или иной степени осознаваться каждым человеком. Она будет по-разному ощущаться разными людьми и руководящие их поступками расчеты могут и не вести в точности к описанному мною результату. Равновесие еще существует, но оно соблюдается только приблизительно. Во всяком случае, если бы это было не так, как мог бы произойти переход от одной модели к другой?

Попробуем представить себе идеальное воплощение второй демографической модели. Как и в случае первой модели условия равновесия могут меняться. Если успехи медицины ведут к росту населения, который не сопровождается ростом производительности, ограничения брачности должны быть более строгими, чтобы предотвратить рост населения. Если технический прогресс увеличивает производительность, население будет расти. Так, население Франции между 1700 и 1789 гг. выросло на 23% - это согласовывается с значительным технологическим прогрессом, прежде всего, в сельском хозяйстве, достигнутым в этот период. Но за первые три четверти 19 века, т.е. за более короткий период, население Англии выросло, примерно, на 175%. Это был период, когда производительность росла небывалыми темпами, и к тому же в стране, которая значительно увеличивала свои доходы за счет производства, транспортировки, торговли, страхования и финансирования других стран.

Перейдем к третьей демографической модели, которая преобладает сегодня во Франции, в Швеции и ряде других стран. Эта третья модель имеет две особенности: широкое распространение тенденции к более высокому уровню жизни и повсеместную практику контроля рождаемости в браке - эта особенность позволят сделать вывод, что рождаемость стала главным фактором, определяющим изменения численности населения.

Если говорить об этих двух особенностях, что чему предшествовало? Можно было бы предположить, что когда люди не могут больше поддерживать свое благосостояние и хотят улучшить свое положение, необходимость контроля рождаемости осознается сама собой. В поддержку этой точки зрении можно привести тот довод, что безбрачие и откладывание вступления в брак способны привести только к ограниченным результатам в снижении рождаемости: разного рода нужды и потребности побуждают большинство людей вступать в брак в относительно молодом возрасте. Но

также можно было бы утверждать, что вначале появилась практика регулирования рождаемости. Когда же улучшение условий жизни, которые могли вытекать из такого регулирования, становятся очевидными, желание улучшить эти условия заменяет желание просто их поддерживать. Согласимся, что это - непростой вопрос, так как оба феномена взаимодействуют между собой, так что каждый из них оказывается одновременно и причиной, и следствием другого.

Как бы то ни было, новая демографическая модель отличается от двух других одной особенностью, имеющей фундаментальное значение. Для первой модели демографического поведения было характерно равновесие, которое обеспечивается автоматически. Вторая модель поддерживает равновесие, но оно зависит от определенных человеческих стратегий и поэтому обеспечивается лишь приблизительно. При третьей модели равновесия больше нет.

Сравним третью модель со второй. Когда люди стремятся к поддержанию своего уровня жизни, идея равновесия содержится в самом этом стремлении; когда же они стремятся к более высокому уровню жизни, принцип стабильности уступает место принципу перемен.

Объясняется ли это различие двух моделей практикой, с помощью которой удовлетворяются имеющиеся предпочтения? Мы только что видели, что практика ограничения брачности играет лишь маргинальную роль. Роль ограничения числа рождений гораздо более важна. Некоторые семьи хотят иметь детей обоих полов, и они рожают детей до тех пор, пока их желание не удовлетворится. Другие останавливаются на трех детях, считая, что таким образом они соблюдают древний закон, требующий плодиться и размножаться. Есть и такие, которые полагают, что наличия двух детей, возможно, мальчика и девочки, достаточно для замещения поколения, к которому они принадлежат. Многие имеют одного ребенка, по их мнению, это необходимо, но достаточно чтобы оживить дом, получить наследство, продолжить бизнес. И есть такие семьи, которые с самого начала вовсе не собираются заводить детей либо предпочитают пожить без детей какое-то время, что на деле часто также оборачивается бездетностью, потому что, добровольно не имея детей долгие годы, супруги обычно не решаются отказаться от уже установившейся привычки.

Существует много тех или иных доводов в пользу ограничения рождаемости. Они вытекают из разных соображений. Для некоторых это привязанность к семейной собственности, которую они не хотели бы видеть разделенной. Часто родители думают о детях: если их будет немного, это позволит больше заботиться о них, дать им лучшее образование, благодаря чему они добьются в жизни большего, чем удалось им самим. Но встречается также и эгоизм, который заставляет людей видеть в детях только дополнительные расходы и неудобства: разве ребенок - это не помеха матери, если у нее есть профессия и она работает? Разве он не мешает развлечениям и путешествиям родителей, которые становятся все более распространенными и

все более привлекательными? И можно заметить, что такой эгоизм играет все большую и большую роль: мы видим, что среди линий поведения, которым могут следовать люди, все чаще выбираются те, что связаны с более последовательным ограничением рождаемости.

Где в таком случае остановится падение рождаемости? Это неизвестно. Наступит ли вообще конец этого падения? Во всяком случае, уже сейчас можно наблюдать, до какой степени падает коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах и городах: если наблюдаемые сегодня демографические параметры не улучшатся, перспектива депопуляции и притом очень быстрой становится весьма реальной.

Третья демографическая модель, как мы видели, не предполагает никакой точки равновесия для населения. В этом случае нет и необходимости обсуждать и условия равновесия. Может статься даже, что определенные детерминанты, которые влияют на население при предыдущих моделях, больше не оказываю такого влияния при третьей модели. Если это так, то что мы можем сказать о происходящем росте производительности и общего благосостояния? Должны ли мы верить, что, как считают некоторые, этот рост противоречит главным интересам населения? Закон, который лежит в основе такого мнения, - рождаемость снижается с ростом благосостояния, - с каждым днем кажется все менее обоснованным. Мы видим почти полное расхождение между изменениями уровня благосостояния и изменениями численности населения.

Смертность, в той мере, в какой она зависит от прогресса в медицине и гигиене, имеет определенное влияние на население. Но это влияние должно быть правильно понято. Обычно думают, что последствия снижение рождаемости можно компенсировать снижением смертности. Эта идея неверна.

Что может принести снижение смертности? Очевидно, что, хотя, благодаря прогрессу, достигнутому на сегодняшний день в медицине и гигиене, в значительной степени удалось защитить людей от преждевременной смерти, ничего не было сделано, чтобы повысить жизненную силу восьмидесятилетних. В настоящее время существует естественный срок для человеческой жизни, и он не отличается от того, каким он был в прежние времена, что можно сказать и о человеческом росте, и о возрасте, в котором этот рост прекращается. Представим себе последствия для новорожденного, который доживает до 80-летнего возраста - без смертельных исходов в раннем возрасте в результате болезней, несчастных случаев, убийств или самоубийств и которому еще предстоит прожить, в среднем, 5 лет. Средняя продолжительность жизни в этом случае составит 85 лет, а общий коэффициент смертности 1000:85 или 11,76 на 1000. Стоит упомянуть, что, по имеющимся сведениям, в ряде национальных столиц и крупных городов этот показатель будет выше, чем общий коэффициент рождаемости. Но это не главное. Даже если бы средняя продолжительность жизни равнялась 100 или 200 годам, смерть остается неизбежным законом для человечества, и если в

воспроизводстве населения будет дефицит, то депопуляция даст о себе знать, а человечество встанет на путь вымирания.

Снижение смертности, без того, чтобы сделать человека бессмертным, будет означать единоразовое увеличение населения. Но это не будет иметь никаких других последствий если снижение смертности, то есть продление жизни, затронет исключительно пожилых людей. Однако такой единоразовый рост не мог бы, в долговременной перспективе, противостоять принципу неограниченной депопуляции, вследствие недостаточного воспроизводство населения. Только в той мере, в какой снижение смертности затрагивает детей, подростков и взрослых репродуктивного возраста, это снижение может повысить воспроизводство, что стало бы дополнением к упомянутому выше эффекту неограниченной депопуляции. Но влияние снижения смертности на фундаментальный демографический фактор - воспроизводство населения, ограничено - и очень серьезно.

Ранее отмечалось, что нетто-коэффициент воспроизводства населения Австрии в 1928 году был равен 0,782. Кучинский, предположив, что все девочки, родившиеся в 1928 году, доживут до детородного возраста, посчитал для той же самой Австрии и в тот же период брутто-коэффициент воспроизводства населения, который равнялся 0,969, то есть тоже был ниже единицы. В Германии в 1932 году брутто-коэффициент воспроизводства был равен 0,88; в Швеции (в Стокгольме) - 0,94 в 1931 году; в Англии - 0,43 в 1930 году: иными словами, значения коэффициента везде находились ниже единицы. Если уровень рождаемости не повысится, то никакие достижения в медицине и гигиене не смогут избавить эти страны от вымирания, во всяком случае в той мере, в какой они будут зависеть от естественного прироста населения.

На Земле преобладали - и до сих пор не исчезли с лица Земли - демографические модели, каждая из которых имела свою характерную точку равновесия. В рамках этих моделей действовали определенные факторы, которые изменяли условия равновесия, что приводило к росту населения. Но появилась и распространяется новая модель, которая не предполагает равновесия. Человек все больше и больше ограничивает деторождение, приближая момент, когда человечество больше не воспроизводит себя полностью. Разве это не революция?

Доказывает ли эта революция, что базовая природа человека изменилась? Это не так. Чувства остались такими же, как были. Но претерпели большие изменения обычаи, связанные с размножением или вымиранием вида. Эти изменения затронули многие сферы: экономическую, социальную, политическую и моральную. В любом случае, простой факт количественного изменения в жизни не может не вызывать интереса.

И все же демографическая революция еще не окончена. В таком случае, мы не можем следовать ей слишком тщательно: но нет ничего более достойного, чем наблюдать и изучать ее.

Ландри А. Демографическая революция /А. Ландри// Информационный бюллетень «Население и общество» Демоскоп Weekly. - № 611 – 612. - 22 сентября - 5 октября 2014. – URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php

Сергей Захаров

ВТОРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ИЗМЕНЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ МОДЕЛИ РОЖДАЕМОСТИ

Вот уже не одно десятилетие в большинстве развитых стран набирает силу социально-демографический процесс, получивший название «Второго демографического перехода» (Р.Лестег, Д. Ван де Каа и др.). Этот переход связан с фундаментальными сдвигами в жизненном цикле современного человека и в системе индивидуального брачно-семейного планирования, с расширением свободы выбора брачного партнера и форм совместной жизни, с более ответственным подходом к последствиям сексуальных отношений, с более высокой, чем прежде, эффективностью планирования сроков появления потомства - одним словом, с возросшими возможностями каждого человека управлять своей индивидуальной демографической судьбой. Среди главных следствий, оказывающих влияние на рождаемость:

- абсолютный и относительный рост числа незарегистрированных браков, более или менее длительных добрачных союзов, сепараций (раздельного проживания партнеров) при одновременном быстром уменьшении доли скоропалительных, вынужденных браков, стимулированных добрачной и внебрачной беременностью в юном возрасте;
- рост среднего возраста вступления в регистрируемый брак, среднего возраста рождения первого ребенка и среднего возраста материнства в целом;
- рост доли внебрачных рождений при увеличении среднего возраста матери при рождении внебрачного ребенка за счет опережающего роста внебрачной рождаемости в средних возрастах;
- уменьшение эксцесса (островершинности) возрастного распределения рождений, постепенное перемещение модального возраста из возрастной группы 20-24 года в возрастную группу 25-29 лет (а в некоторых странах даже в возрастную группу 30-34 года), резкое уменьшение вклада в итоговые показатели рождаемости самой молодой возрастной группы 15-19-летних матерей и повышение вклада старших возрастных групп матерей (старше 30 лет) до уровня, характерного для молодых матерей до 25 лет, а затем и превышающего его, в результате

чего распределение рождений становится более равномерным по возрастной шкале.

Теперь формирование итоговой рождаемости в западных странах начинается и завершается в гораздо более зрелом возрасте. Получение образования и поиск первой работы в развитых странах, как правило, не “утяжеляется” проблемами, связанными с выполнением материнских функций. По этой причине низкий вклад молодых женщин (до 25 лет и особенно до 20 лет) в общий уровень рождаемости компенсируется повышением вклада женщин средних и старших возрастов.

До начала 1990-х годов все эти перемены относительно слабо затрагивали Россию. Для большинства населения нашей страны был характерен резко выраженный "допереходный" вариант возрастной кривой рождаемости: ее резкая асимметрия, связанная с высокой концентрацией рождений у молодых матерей. Более того, вплоть до 1993 года брачность и рождаемость в России "молодели", следуя долговременной более чем тридцатилетней тенденции. Концентрация рождений в младших возрастных группах матерей достигла очень высоких величин, тогда как вклад возрастных групп старше 25 лет падал на протяжении многих десятилетий (за исключением короткого периода середины 1980-х годов). В результате, к началу 1990-х годов показатель итоговой рождаемости для условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости) в России более чем на половину обеспечивался деторождением матерей, не достигших 25 лет. К этому времени в развитых странах Запада, при сходном уровне рождаемости, вклад матерей до 25 лет составлял повсеместно менее 40%, а в целом ряде европейских стран был около 20%. Таким образом, формирование семьи в России начиналось и заканчивалось очень рано.

Лишь в последние десять-пятнадцать лет появились все признаки того, что и население России все более уверенно движется по пути второго демографического перехода, что влекло за собой изменение модели формирования семьи.

Во-первых, с середины 80-х годов существенно увеличилась доля внебрачных рождений, что косвенно свидетельствует о широком распространении форм супружества, отличных от традиционной модели регистрируемого брака. Перепись населения 2002 года и выборочные обследования, проведенные в последние годы, показывают, что с середины 1990-х годов эти перемены ускорились. Традиционная слитность сексуального, брачного и репродуктивного поведения, уходящая своими корнями в далекое историческое прошлое человечества, окончательно сдает свои позиции в России. Есть основания утверждать, что получает распространение откладывания первенца в уже сложившихся брачно-партнерских союзах, чего никогда не знало российское население.

Во-вторых, возраст жениха и невесты при заключении первого брака в России быстро увеличивается (с 1994 года) и, по имеющимся оценкам, сейчас

уже превышает средний возраст вступления в брак, наблюдавшийся в 1970-х и 1980-х годах.

В-третьих, снижение рождаемости сопровождается сокращением распространенности абортов, что можно трактовать как активно протекающую перестройку в области планирования семьи. За последние два десятилетия в России было достигнуто двукратное снижение частоты производства абортов. Можно быть уверенным, что переход от абортов к эффективным средствам и методам контрацепции в России приобрел массовый и необратимый характер. Особенно наглядно вытеснение абортов контрацепцией демонстрируют самые молодые женщины – быстрое снижение рождаемости в поколениях, родившихся с конца 1960-х годов, не сопровождалось ростом числа абортов, напротив, шло его быстрое снижение. Впервые в России получает распространение планирование появления на свет первого ребенка, что раньше было скорее исключением, чем правилом.

В-четвертых, в 1991 году, после длительного периода роста, началось снижение рождаемости в возрасте до 20 лет (за последующие двадцать лет оно оказалось двукратным), что может рассматриваться как указание на необратимый переход к новой возрастной модели рождаемости. С 1994 года наметилось снижение вклада в итоговую величину рождаемости группы матерей в возрасте 20-24 года, тогда как вклад старших групп повышается и в абсолютном, и в относительном измерении. Максимум интенсивности рождений в 2009-2010 годах впервые с 1930-х годов переместился из возрастной группы 20-24 года в группу 25-29-летних женщин. Соответственно повышается средний возраст женщины при рождении первенца и средний возраст материнства в целом.

Поскольку эти комплексные и взаимосвязанные изменения продолжаются в России уже второй десяток лет, их едва ли можно считать конъюнктурными колебаниями. Учитывая, что все страны Восточной, Центральной Европы и Балтии, по мнению большинства специалистов, ускорено продвигаются по пути второго демографического перехода, трудно представить, что Россия окажется исключением.

Второй демографический переход означает непростую адаптацию всей модели демографического поведения к меняющемуся стилю жизни, что, как правило, имеет следствием, особенно на более ранних этапах перехода, не только изменение формы возрастной кривой, но и снижение общего уровня рождаемости. Возможно, этим объясняется сходство тенденций в России и в странах Центральной и Южной Европы, равно как их общее отличие от стран Северной и Западной Европы, где переход начался много раньше и в меньшей мере был затруднен препятствиями идеологического или религиозного характера, а также не стимулировался резкими экономическими переменами.

В России переход к новой модели рождаемости испытывал и, видимо, будет испытывать в ближайшие десятилетия влияние меняющейся социальной и экономической реальности. Степень ответственности при заключении брака и принятии решений о рождении детей, учет при этом текущего материального

благосостояния, скорее всего, будут повышаться, приводя к дальнейшему повышению среднего возраста вступления в первый брак и среднего возраста матери при рождении ребенка. Очевидная тенденция к увеличению сроков получения профессионального образования, повысившаяся тяга молодых мужчин и женщин к получению высшего образования дают дополнительные импульсы для сдвигов времени обзаведения потомством к более поздним возрастам. Как показывают выборочные обследования общественного мнения, молодые поколения в России, как и их ровесники в других европейских странах, голосуют за более поздний возраст начала формирования семьи. Все это дает основания ожидать, что основные перемены в рождаемости в России также будут связаны с перестройкой возрастной кривой по пути, которые уже прошли и проходят западные, а теперь уже и большинство стран Восточной и Центральной Европы после начала политических перемен в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Захаров С. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости/С. Захаров // Информационный бюллетень «Население и общество» Демоскоп Weekly. - № 495 –496. - 23 января - 5 февраля 2012. – URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema05.php

Оливье Тевенон

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ: КОНТРАСТИРУЮЩИЕ МОДЕЛИ

Различия между развитым странами в уровне рождаемости – среднем числе рождений на одну женщину – иногда достигают двукратной величины. Предполагается, что эти различия во многом зависят от того, проводится семейная политика или нет, и насколько она всеобъемлюща. Что представляет собой такая семейная политика в развитых странах и на что она направлена? Оливье Тевенон сопоставляет существующие направления политики, используя базу данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Демографическая эволюция последних десятилетий привела большую часть развитых стран к необходимости введения в действие или усиления мер помощи семьям. Снижение рождаемости, начиная с 1970-х годов, повлекло за собой значительное снижение числа рождений, которое оценивается как опасное в долговременном плане. Так как число детей в семье часто оказывалось меньше того, которое указывалось при опросах населения как желаемое, помощь нацелена на реализацию этих пожеланий и направлена на устранение препятствий рождению ребенка. Увеличение числа разводов, повторных браков, так же, как и увеличение числа внебрачных рождений и числа одиноких родителей, побудили страны усиливать социальную помощь

семьям, в частности, тем, которые находятся в трудном положении. Параллельно, страны пытались поощрять женскую занятость, облегчая родителям совмещение профессиональной деятельности и семейной жизни. В общей сложности, инвестиции государств в пособия и финансирование услуг семьям, увеличились в значительной степени, достигнув в среднем 2,4% ВВП в 2003 году в странах ОЭСР по сравнению с 1,6 % ВВП в 1980 году.

Противоречат ли друг другу занятость женщин и рождаемость?

В то же время, семейная политика в разных странах различна. В некоторых странах она существует с давних пор и изменялась со времени ее введения, чтобы лучше приспособиться к новым рискам, которым подвергаются семьи. В других, она появилась не так давно и пока еще включает довольно разнородные социальные меры.

Задачи ее различны, и приоритеты формулируются по-разному: повышение рождаемости, лучшее совмещение работы и семейной жизни, борьба с экономическим неравенством и бедностью семей, помощь в уходе за детьми и их воспитании или более равномерное разделение семейных обязанностей между мужчинами и женщинами.

Две цели – повышение уровня женской занятости и увеличение рождаемости – могут показаться на первый взгляд противоречивыми. Но это – привычное клише; на деле, напротив, сегодня рождаемость выше именно в тех странах, где высок уровень занятости женщин (график 1).

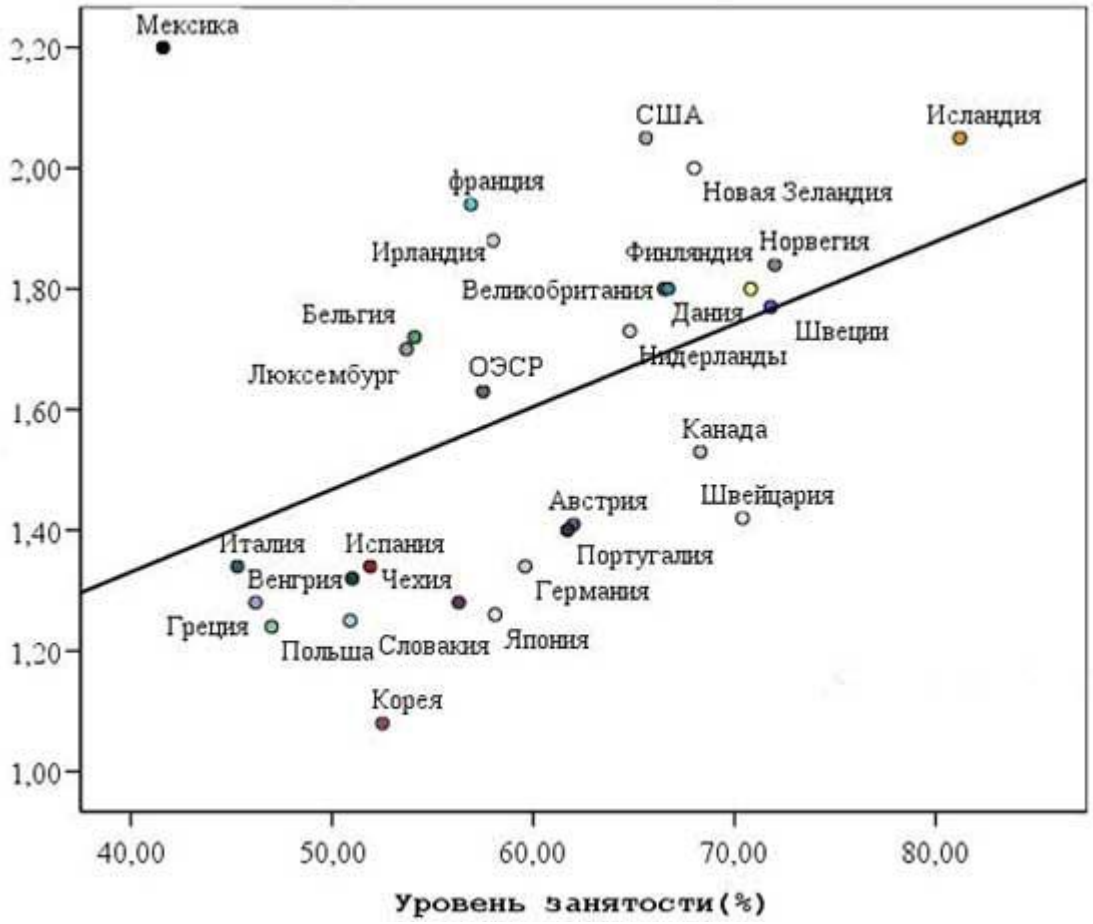

График 1. Коэффициент рождаемости и уровень занятости женщин в странах ОЭСР в 2005 году

Северные страны: существенная поддержка семей с маленькими детьми

Сравним семейную политику различных стран, используя базу данных о «положении семей и семейной политике», разработанную ОЭСР[2], и располагая страны на двух осях. Две группы стран выделяются с первого взгляда: северные страны, расположенные справа на графике, и страны Юга Европы и англо-саксонские страны, расположенные слева. Это противопоставление основано, главным образом, на различии в поддержке семей с детьми до трех лет, предоставляемой либо в форме отпусков, либо в форме услуг по уходу за детьми работающих родителей. Отпуск в северных странах продолжительнее, чем в остальных: 53 рабочих недели, приведенных к полному рабочему дню и средней заработной плате, в Швеции и 47 недель в Дании против всего лишь 27 недель, в среднем, по всем странах ОЭСР[3].

Для отцов также продолжительность отпуска, который им полагается, здесь больше, чем в других странах: 13 недель в Исландии, 11 – в Швеции, тогда как средняя продолжительность отпуска в странах ОЭСР в целом составляет лишь одну неделю. Тем не менее и здесь отпуск, предназначенный для отцов, - лишь малая часть общей длительности родительского отпуска, обычно используемого в основном женщинами. В общей сложности, расходы, связанные с предоставлением отпусков, в северных странах явно наиболее значительны, достигая в среднем на каждого ребенка 57% ВВП на душу населения по сравнению с 25% ВВП в других странах и только 5% в англо-саксонских странах.

Сверх того, в северных странах уровень пользования государственными услугами по уходу за детьми намного выше, здесь чуть более половины детей до трех лет посещают ясли, в то время как для остальных стран эта пропорция составляет меньше одной пятой. Сумма, выделяемая на одного ребенка, также выше: 5758 долларов по паритету покупательной способности, в среднем, в северных странах, против 2520 долларов, в среднем, для всех стран. Объем денежных пособий, предоставляемых семьям, напротив, ниже среднего. И они в первую очередь идут семьям с низким доходом.

В общей сложности, инвестиции, реализуемые в виде услуг по уходу и воспитанию детей до 6 лет, более высоки в северных странах и, в среднем, составляют 1,6% ВВП против 0,7% в других странах (всего 0,6% в англо-саксонских и азиатских странах и 0,7% в странах южной Европы).

График 2. Страны ОЭСР согласно их семейной политике

Замечание о методе анализа: Сходства и различия между странами ОЭСР были получены в результате расположения каждой страны на двух осях благодаря анализу двух главных составляющих. Горизонтальная ось выражает наиболее сильное противопоставление, которое заключается в помощи в форме отпусков и сервисной поддержке при наличии ребенка младше трех лет в семье. Вертикальная ось противопоставляет страны исходя из продолжительности родительского отпуска и степени направленности финансовой помощи семьям с низкими доходами. *Источник: ОЭСР*

Дания: значительное вмешательство государства

Дания и Исландия отличаются от других европейских стран (график 2) отчасти по одной и той же причине: доступность детских учреждений для детей до трех лет в этих двух странах очень высока (62% в Дании и 59% в Исландии). В Дании, кроме того, высок уровень расходов на обеспечение детских учреждений (2,3% ВВП). К тому же в Дании, как и в остальных северных странах, часть дохода, исключаемого из налогообложения в случае выхода на работу, намного выше, чем в других стран. Это можно рассматривать как противовес таким мерам как относительно значительная помощь в форме оплачиваемого отпуска и услуг по уходу за ребенком, который позволяет сочетать работу с наличием маленького ребенка.

Дания представляет собой, без сомнения, образец наиболее удачной модели, основанной на сильном общественном вмешательстве, предлагающем непрерывную и значительную поддержку, позволяющую родителям сочетать работу и семейную жизнь. Система обеспечивает довольно существенную

финансовую поддержку в течение всего периода отпуска. Хотя отпуск относительно невелик по времени, это возмещается легкой доступностью учреждений для маленьких детей, затем учреждений дошкольного и школьного образования. В этих условиях, уровень рождаемости оказывается одним из самых высоких среди стран ОЭСР, что сочетается с очень высоким уровнем занятости женщин, работающих полный рабочий день. Довольно высокая занятость женщин сопровождается, тем не менее, значительным профессиональным неравенством между мужчинами и женщинами.

Англо-саксонские страны: помощь детям дошкольного возраста и детям из бедных семей

В отличие от северных стран, англосаксонские страны, Японию, Корею и страны Южной Европы сближает то, что меры помощи, способствующие сочетанию работы и ухода за ребенком до трех лет, в них менее существенны. Прежде всего, послеродовой отпуск здесь плохо оплачивается, а иногда и вовсе не оплачивается. Услуги по уходу за ребенком и его воспитанию в целом также менее развиты, хотя между странами существуют большие различия. Кроме того, публичные расходы в основном направлены на дошкольное образование. Расходы на одного ребенка в возрасте до трех лет и посещаемость учреждений по уходу за ними гораздо ниже, чем в возрасте от 3 до 6 лет.

Англосаксонские страны, так же как Япония и Корея, отличаются, тем не менее, от стран Южной Европы по многим аспектам. Во-первых, поддержка семей с помощью пособий и налоговых льгот в них более значимы. Это основной способ вмешательства в этих странах, где социальные выплаты составляют 1,9% ВВП в отличие от 1,6% в среднем по странам (США является исключением: там затраты составляют 0,8%). Эта помощь вполне определенно адресована семьям с низкими доходами с целью противодействия их обеднению. Немногим более чем один ребенок из четырех (28%) все же имеет доступ к услугам по уходу, нередко частным, тогда как в среднем по всем странам – несколько меньше одного из четырех (23%).

Иначе говоря, англосаксонские страны характеризуются ограниченной общественной помощью родителям с детьми до 3-х лет, облегчающей сочетание работы и семейной жизни. Более значительные государственные инвестиции направляются на развитие дошкольных учреждений для детей, достигших 3-х лет, и рассчитанных чаще всего на пребывание в них неполный день. Главная цель - предоставить дошкольникам образование, обеспечивающее детям равенство шансов. В таких условиях, сочетание работы и семейной жизни обеспечивается благодаря гибкости рынка труда, которая позволяет сменить работу, не будучи вовлеченным в слишком долгий период безработицы, и, главным образом, дает возможность частичной занятости для женщин, имеющих маленького ребенка. Это сочетание опирается, таким образом, на сильную асимметрию в положении мужчин и женщин на рынке труда и предполагает отказ в случае рождения ребенка от

некоторой части дохода, не компенсирующейся пособиями. В результате, доходы семей часто оказывается низкими, а уровень бедности в этих странах - один из самых высоких. Зато маневрирование, возможное благодаря особенностям рынка труда, позволяет этим странам поддерживать один из самых высоких уровней рождаемости.

Южная Европа: ограниченная помощь.

В других странах коэффициенты рождаемости и уровень женской занятости в целом значительно ниже. Они особенно низкие в странах Южной Европы с высоким уровнем бедности. Для этих стран характерна неразвитость семейной политики, о каких бы ее сторонах ни шла речь. Прежде всего, крайне невелик объем денежных выплат семьям. Родительский отпуск там тоже очень продолжительный, но он плохо оплачивается или не оплачивается вовсе. Португалия слегка выделяется в этой группе стран более короткими отпусками для родителей, большей ориентированностью денежных выплат на семьи с низкими доходами и большей доступностью учреждений по уходу за детьми до 3-х лет: в Португалии их посещают 23% детей, тогда как в Италии и Греции менее 7%. Такой же уровень доступности учреждений по уходу за маленькими детьми характерен и для Испании, но родительский отпуск там намного продолжительнее и он не оплачивается.

Другие страны – Центральной и Восточной Европы – занимают промежуточное положение. Только Франция и Венгрия выделяются показателями намного выше средних для всех видов помощи семьям. Прежде всего, длительность отпуска, приведенного к занятости при средней заработной плате, здесь выше, чем в большинстве стран Центральной и Восточной Европы. К тому же финансовая помощь семьям с ребенком (детьми), гораздо в меньшей степени, чем в других странах, ориентирована на семьи с низкими доходами. Затраты на все виды ухода за детьми здесь также более высоки, чем в среднем, но масштаб охвата такими услугами детей до трех лет во Франции (29%)[5] намного больше, чем в Венгрии (7%).

Французская модель: значительная помощь…

Итак, Франция занимает особое положение по сравнению с ее европейскими соседями[6]. С одной стороны, общие расходы на поддержку семей сравнительно высоки, так как, с учетом налоговых льгот, они достигают 3,8% ВВП, что ставит Францию на 3-е место среди стран ОЭСР, средняя для которых равна 2,4%. Охват учреждениями по уходу за детьми до трех лет здесь существенно более высок, чем в большинстве континентальных стран. Этому способствует практически всеобщая доступность детских садов для детей, начиная с 2-х–3-х летнего возраста. С другой стороны, если учитывать налоговые льготы, финансовая помощь семьям с детьми здесь значительнее, чем в северных странах. Эти трансферты весьма выгодны и обеспеченным семьям. В общем, помощь в денежной форме, доступность с раннего возраста детских учреждений и большая гибкость расписания в школе позволяют

непрерывно сочетать работу и семейную жизнь на всех этапах жизни ребенка. Помощь предоставляется также и тем родителям, которые решают прервать свою профессиональную деятельность, чтобы заниматься ребенком до 3-х лет.

Такое разнообразие помощи объясняется тем, что во Франции семейная политика имеет давние корни и преследует множественные цели[7]. Помощь семьям, лишенным средств, и защита доходов всех семей образуют стержень этой политики со времени ее появления в начале XX века. Поддержка рождаемости – также давняя цель, которая оправдывает большие выплаты многодетным семьям, каким бы ни был их первоначальный доход. 70-е годы XX века отмечены социализацией семейной политики, ориентированной на помощь семьям с одним родителем и на решение жилищного вопроса с учетом семейного положения. Стремление облегчить сочетании работы и семейной жизни становится также доминирующей темой с 1980-х; оно способствует расширению детских учреждений и финансовой помощи семьям, выбравшим индивидуальный уход за ребенком.

…которая, в зависимости от обстоятельств, то увеличивает, то сокращает уровень занятости

В любом случае, помощь семьям развивается очень амбивалентном контексте из-за бюджетных трудностей, роста массовой безработицы и «фамилиалистского» движения – все это благоприятствует помощи матерям которые сами занимаются своими маленькими детьми. Родительское пособие на воспитание было создано таким образом, чтобы помогать родителям троих детей (после 1985 года) и двоих детей (с 1994 года), которые прерывают свою профессиональную деятельность, для того чтобы заниматься маленьким ребенком до трех лет. Недавняя (2004 год) реформа пособия на новорожденного или усыновленного ребенка расширяет эту помощь, вводя для родителей возможность прерывания работы на 6 месяцев с момента рождения первого ребенка. Это, как и в других странах, таких как Финляндия, Норвегия, Австрия, система двойственной помощи, которая оказывается в случае, если родители прибегают к услугам по уходу за ребенком, чтобы продолжать свою профессиональную деятельность, и матерям, которые, наоборот, решают приостановить ее, чтобы самим заниматься маленьким ребенком. Однако специфика Франции заключается в том, что все виды помощи благоприятствуют, скорее, сохранению занятости на полный рабочий день после рождения первого ребенка и, скорее, прерыванию или сокращению работы после рождения последующих детей.

Эта особенность частично объясняет, почему во Франции уровень занятости на полный рабочий день женщин, имеющих одного маленького ребенка относительно выше по сравнению с другими континентальными странами, в то время как он сильно снижается с рождением последующих детей. Около 50% матерей, имеющих одного ребенка, работают полный рабочий день, тогда как менее 20% не работают. В то же время, менее 25% матерей троих или более детей работают полный рабочий день, тогда как 40%

относятся к неработающим[8]. Это, вероятно, один из факторов, способствующих относительно высокому и устойчивому уровню рождаемости, наблюдаемому во Франции[9]. Этот успех подталкивает к общему пересмотру государственной семейной политики, с тем, чтобы, в первую очередь, увеличить ее вклад в борьбу против бедности; он также нацелен на повышение уровня занятости женщин, ставя под сомнение меры, побуждающие их уходить с рынка труда, и развивая систему услуг по уходу за детьми, которые стоят дешевле, чем место в яслях.

Резюме

Большинство развитых стран усиливают меры помощи семьям или вводят их, если их не было. Инвестиции стран ОЭСР в эту сферу выросли с 1,65% ВВП в среднем в 1980 году до 2,4% в 2003 году. Одна из целей семейной политики – увеличение рождаемости с одновременным созданием благоприятных условий для занятости женщин. Общее увеличение инвестиций варьируется от страны к стране, так же как и их направления. Страны различаются, в первую очередь, по помощи, которую они устанавливают в форме отпусков и услуг по уходу за детьми младше трех лет, чьи родители работают. Страны севера Европы более щедры, расходуя много средств и на такую помощь, и на общие инвестиции. Инвестиции ориентированы больше на детей дошкольного возраста (3-6 лет) и на семьи с низким доходом в англо-саксонских странах. Франция отличается относительно большей и разнообразной помощью, создающей, однако, противоположные побуждения в том, что касается совмещения работы и семейной жизни. Она способствует поддержанию полной занятости после рождения первого ребенка, и скорее, прекращению или сокращению активности при рождении следующих детей.

Тевенон О. Семейная политика в развитых странах: контрастирующие модели/О. Тевенон// Информационный бюллетень «Население и общество» Демоскоп Weekly. - № 353 – 354. - 17 - 30 ноября 2008. – URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0353/analit03.php

В.Л. Иноземцев

ИММИГРАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВАЯ ПРОБЛЕМА НОВОГО СТОЛЕТИЯ

Всю историю человечества без особых натяжек можно рассматривать с точки зрения непрерывной миграции племен и народов. В одни эпохи миграция была не очень значимым, зато в другие - важнейшим фактором

развития цивилизации. Исторический анализ позволяет выделить два типа миграционных процессов.

С одной стороны, миграция всегда оказывалась следствием внешней экспансии зрелых социальных систем с устойчивой структурой и сложившимся комплексом социальных связей и отношений. Масштабы этого типа миграции на протяжении столетий росли: экспансия Египта в Переднюю Азию; Ассирии, а затем и Персии в Финикию, Закавказье, Малую Азию и далее в Грецию; ответное вторжение эллинов и македонцев в Азию и Северную Африку; становление Римской империи и масштабная миграция латинян в ее периферийные районы; выплеснувшиеся из своих границ армии арабов, остановленные лишь в Южной Франции; и, наконец, начавшаяся в XV-XVI веках колонизация европейцами Америки, Австралии и отдельных районов Азии.

С другой стороны, нередко миграцию порождала и хаотическая эволюция кочевых племен и народностей, социальные структуры и политическая система которых находились в стадии зарождения. С развитием более совершенных политических форм значение миграционных потоков этого типа постепенно снижается: если в древнем мире покорение Египта гиксосами или неоднократные волны миграции, прокатывавшиеся по Индийскому субконтиненту, не говоря уже о постоянных вторжениях кочевников в Китай, - вполне обычные явления, то "великое переселение народов" и монгольское нашествие стали практически последними примерами движений подобного рода в границах Евразии. В отличие от процессов первого типа, они не сопровождались распространением и закреплением новых социальных порядков. Переселенцы или захватчики, даже приносившие с собой некоторые традиции, теряли связь с прежней родиной и, как правило, ассимилировались коренным населением.

Между тем, на протяжении XIX и XX веков формы миграционных процессов претерпевали масштабную, если не сказать беспрецедентную, модификацию. Становление новых типов совпало (отнюдь не случайно) с периодом формирования в Европе гражданского общества и национального государства, которое правильнее было бы называть нацией-государством. Определились границы отдельных стран, утвердились принципы гражданства и личной свободы; вслед за этим и появились сами понятия эмиграции и иммиграции, столь хорошо известные нам сегодня.

К концу эпохи религиозных войн, вызвавших в Европе опустошение, сравнимое лишь с последствиями эпидемии чумы XIV века, миграция превратилась из спорадического передвижения людей в поисках сезонной работы или бегства от войн и религиозных преследований в устойчивый и постоянный процесс. Многие европейские правительства в XVII-XVIII веках приветствовали иммиграцию и даже стремились предоставить иммигрантам некоторые привилегии, хотя и не всегда могли защитить их от вспышек насилия. Однако большинство мигрантов не покидало пределов Европы. Освоение первых колоний в Америке и Азии было делом государства.

Европейцы в этих регионах в основном были заняты военными операциями против коренного населения или обеспечением товарооборота между Старым и Новым Светом. Как отмечают историки, "на протяжении долгих трех столетий после открытия американских колоний туда направлялись лишь немногочисленные поселенцы". Потребность в рабочей силе удовлетворялась за счет африканцев: если в XVI веке в Америку было доставлено около 900 тысяч невольников, то в XVII - 3,75 миллиона, а в XVIII - около 8 миллионов. Не вызывает сомнений достаточно тесная связь между запретом работорговли в 1815 году и последовавшим притоком европейских иммигрантов в американские колонии.

Первые значительные переселения европейцев в Северную Америку были вызваны религиозными и политическими гонениями в Европе: сначала во Франции, где в 1675 году Людовик XIV отменил Нантский эдикт 1592 года, а затем в Шотландии и Ирландии, где обострились противоречия между коренным населением и англичанами. Однако к началу XIX века "иммигранты чаще всего руководствовались экономическими мотивами, а закономерности развития рынка труда гораздо лучше объясняли динамику иммиграции, нежели проблемы, обусловленные войнами или политическими конфликтами". Проведенные экономистами и историками расчеты показывают, что к середине XIX столетия величина средней заработной платы в большинстве стран Европы составляла от 35 до 55% тех доходов, на которые переселенцы могли надеяться в США. Разумеется, многих привлекали и политические принципы американского общества, утверждавшие идеи свободы и равенства. Несмотря на то, что основатели Соединенных Штатов не стремились к росту численности переселенцев (Дж. Вашингтон отмечал в своих письмах: "Я не расположен приглашать иммигрантов, хотя у нас и нет никаких законодательных актов, препятствующих их прибытию, я целиком и полностью выступаю против этого"), все новые и новые тысячи европейцев прибывали за океан. Характерно, что подавляющее большинство из них (не менее 85%) обосновывалось в северных штатах, и лишь немногие селились на юге, где процветало рабовладение. К середине XIX века европейская иммиграция в США - самый масштабный из известных Новому времени миграционных процессов - стала одной из определяющих примет времени.

Масштабы эмиграции из Европы на протяжении второй половины XIX - первой трети XX века трудно определить с достаточной точностью. Обычно исследователи начинают свои расчеты с середины 40-х годов XIX столетия, когда в большинстве европейских стран был установлен учет эмигрантов. Согласно различным данным, с 1846 по 1924 год только крупнейшие государства Европы - Великобританию, Италию, Австро-Венгрию, Германию, Португалию, Испанию и Швецию - в поисках лучшей доли покинули, по меньшей мере, 43 миллиона человек, более 75% из них перебрались в Соединенные Штаты. Демографические потери Швеции за данный период оцениваются в 22%, а Великобритании - в 41% населения. В целом европейский континент покинуло с 1846 по 1939 год не менее 60 миллионов

человек, из которых 2/3 осели в США . Катастрофический отток населения из европейских стран можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве одной из причин последовавшего в XX веке экономического отставания Европы от Соединенных Штатов.

В США иммиграция породила бурный хозяйственный рост. К середине XIX столетия образовались большие сообщества ирландцев, шотландцев, французов, немцев, итальянцев, испанцев и даже скандинавов, в глазах которых "Америка, при сравнении с собственной страной, выглядела замечательно, [вследствие чего] всякий иммигрант, принявший решение стать американцем, очень быстро преисполнялся чувством патриотизма". Логично предположить, что приток новых граждан не должен был бы нарушать сложившейся культурной среды. Однако, даже несмотря на то, что от 84,9 до 97,5% иммигрантов, прибывших в США с 1846 по 1939 год, происходили из Европы, многим американцам сложившиеся к началу XX века тенденции не могли не внушать опасений.

Во-первых, сами по себе масштабы иммиграции стали казаться угрожающими. Среднее ежегодное количество приезжающих увеличилось с 14 тысяч человек в 20-е годы XIX века до 260 тысяч человек в 50-е, достигнув к 1905-1910 годам 1 миллиона - показателя, непревзойденного вплоть до 90-х годов XX столетия. С 1880 по 1920 годы доля американцев, родившихся за пределами страны, колебалась вблизи рекордных значений - от 13,1 до 14,7% общего населения. В эти годы даже без учета их прямых потомков иммигранты обеспечивали более 40% прироста населения США. К 1910 году около 75% жителей Нью-Йорка, Чикаго, Кливленда и Бостона были иммигрантами или их потомками в первом поколении. Во-вторых, появились признаки изменения региональной принадлежности иммигрантов: если в 1821-1890 годах 82% прибывавших происходили из Западной Европы, и лишь 8% - из стран Центральной, Южной и Восточной Европы, то в 1891-1920 годах это соотношение составляло уже 25 к 64. Увеличилась и иммиграция из азиатских стран, нараставшая по мере освоения тихоокеанского побережья Америки, что ставило под угрозу идентичность США как страны с преимущественно протестантским населением англо-саксонского происхождения.

Результатом стало ограничение иммиграции. Сначала принятый Конгрессом в 1882 году закон (т.н. Chinese Exclusion Act) запретил легальный въезд на постоянное жительство в США иммигрантам китайского происхождения, затем закон о правилах иммиграции (Immigration Act) 1917 года распространил это ограничение практически на всех выходцев из азиатских стран. Закон 1921 года установил временные квоты на въезд из большинства европейских стран, которые три года спустя были значительно снижены и с тех пор не отменялись. Все эти меры означали переход к качественно новому этапу иммиграционной политики, продолжавшемуся до 70-х годов; если за 1901-1910 годы в США прибыли 8,8 миллиона иммигрантов (что составляло в год 104 человека на 10 тысяч проживавших в

стране), то в 1931-1940 годы эти показатели упали до 528 тысяч (4 человека на 10 тысяч жителей).

Изменения в политике американских властей были определены законом Маккаррена-Уолтера от 1952 года, вновь предоставившим квоты азиатским странам, и подтверждены законом Харта-Селлера 1965 года, закрепившим отказ от принципа квотирования и сделавшим акцент на квалификации рабочей силы, а также на гуманитарных соображениях - таких, как воссоединение семей, предоставление политического убежища и защита беженцев. Эти меры привели к тому, что, во-первых, доля инженерно-технических работников среди иммигрантов выросла с 1% в 1900-е до почти 25% в 60-е годы; во-вторых, число прибывающих из европейских стран сократилось, а из стран "третьего" мира - резко выросло. Если в 50-е годы около 60% легальных иммигрантов прибывали из Европы, то к началу 80-х их доля сократилась до 5%. Основными поставщиками иммигрантов стали Латинская Америка и страны Карибского бассейна, государства Азии. В середине 90-х годов среди 10 ведущих стран-доноров уже не было европейских государств; среди них не было также и ни одного государства, имевшего продолжительную демократическую традицию.

К концу 80-х годов стало очевидно, что новый подход не привел к ожидаемым результатам. Масштабы иммиграции увеличились: в 1995-1999 годах она обеспечивала 36,2% прироста населения, что близко к показателям конца XIX - начала XX веков. Однако основная масса переселенцев - выходцы из стран с низким уровнем жизни (ВНП на душу населения в Мексике составляет 30% американского, а в большинстве стран Азии и Карибского бассейна не превосходит 15-20%). Здесь нет и не может быть широкого слоя профессионалов; поэтому подавляющее большинство прибывающих было представлено низкоквалифицированными или вообще неквалифицированными работниками. Возникли и новые проблемы, обусловленные отчужденностью иммигрантов от остальных граждан: около 27% иммигрантов, прибывших в США в 90-е годы, не знали английского языка; поэтому вполне объяснимы тенденции к формированию автономных этнонациональных сообществ, особенно значительных в таких крупных городах, как Лос-Анджелес и Нью-Йорк. Согласно официальным данным, в 2000 году "среднестатистический" белый американец проживал в районе, 83% жителей которого составляли белые; "среднестатистический" представитель национальных меньшинств - в районе, на 77% населенном такими же, как и он, представителями меньшинств. При этом к концу 2000 года в населении 7 из 12 крупнейших городских агломераций - Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Чикаго, Хьюстона, Филадельфии, Сан-Франциско и Вашингтона - белых граждан было менее половины (30,8-49,6%). Иммигранты, составляющие ныне 9,5% жителей США, используют почти вдвое больше социальных пособий, чем коренные американцы, будучи (и это отмечается все чаще) ответственны за четверть всех совершаемых на территории страны преступлений.

Не следует, однако, полагать, что Соединенные Штаты являются сегодня единственной страной, социальный облик которой радикально меняется под воздействием нарастающей иммиграции. Из развитых стран ее последствий не испытывает, пожалуй, только Япония, где доля представителей иных национальностей не превосходит 0,6% населения. В последние годы обострилась ситуация в Европе, традиционно служившей источником, а не мишенью, эмиграционных потоков. Это обусловлено, с одной стороны, близостью к очагам перенаселенности на Ближнем Востоке и в Северной Африке при беспрецедентном разрыве в благосостоянии европейцев и населения сопредельных государств (ВНП на душу населения в Северной Африке составляет 8-16%, а в Восточной Европе - 9-40% среднеевропейского показателя). С другой стороны, в отличие от американской, европейская идентичность основана, прежде всего, на исторической общности судеб, а не на приверженности определенным идеалам, что существенно ограничивает возможности формирования в Европе общества, способного разделять ценности мультикультурализма.

Исторические тенденции развития иммиграции в европейские страны весьма сходны с американскими, с той лишь разницей, что активному притоку переселенцев из стран "третьего" мира, начавшемуся в 50-е годы, не предшествовал период ассимиляции представителей национальных групп, культурно, исторически и религиозно близких западноевропейцам (вряд ли найдется достаточно сходства между ситуацией в Америке на рубеже XIX-XX веков и кратковременной волной миграции из стран Южной Европы во Францию, Германию и страны Бенилюкса в 80-е годы). Резкое увеличение количества иммигрантов в Европе обусловлено прежде всего распадом колониальных империй и неопределенностью статуса граждан новых независимых государств (например, алжирцы, родившиеся до получения страной независимости, являлись подданными Франции и могли свободно пересекать границы метрополии), а также экономической миграцией из стран Восточной Европы и Ближнего Востока. Кроме того, в 60-е и 70-е годы европейцы в силу ощутимой нехватки рабочей силы не противодействовали растущей иммиграции. Привлечение иностранных рабочих в этот период - логическое продолжение политики поощрения мобильности рабочей силы, инициированной принятыми в 60-е годы решениями о праве граждан любой из стран ЕЭС работать в других входящих в Сообщество государствах. Однако это имело те же последствия, что и либерализация иммиграционной политики в США в 60-е годы. Если первоначально доля иммигрантов в совокупной рабочей силе европейских стран превышала их долю в общей численности населения, то по мере старения первых переселенцев и роста числа детей и иждивенцев в их семьях положение изменилось. К середине 90-х годов в 8 из 12 стран Европейского Союза доля иммигрантов, активно вовлеченных в производительную деятельность, не достигала и 50%; европейцы вынуждены были с сожалением констатировать: "Мы звали работников, но вместо них приехали люди". Хотя в Европе, как и в США, иммигранты получают

меньшую заработную плату, чем коренное население (в среднем 55-70%), безработица среди них вдвое превосходит средний уровень. В результате, иммигранты в большей степени зависят от социальных пособий и выплат, что усиливает негативное отношение к ним.

К началу 90-х годов масштабы иммиграции в Европе оказались сопоставимы с показателями Соединенных Штатов. Доля лиц, родившихся за пределами страны, в населении ведущих государств ЕС - Германии, Великобритании, Франции, Голландии, Бельгии и Австрии - достигла 8-11% (максимальный показатель для Люксембурга составляет 34%, минимальные - для Испании, Финляндии, Португалии и Италии - 1,3%, 1,4%, 1,7% и 2,0%, соответственно). Доля иммигрантов в экономически активном населении варьирует между 0,9% в Италии, 1,0% в Испании и Финляндии, 1,3% в Португалии и 8,6% в Германии, 9,9% в Австрии. Однако иммигрантское население европейских государств в значительной степени состоит из граждан других стран ЕС, которые после принятия Маастрихтского договора юридически являются гражданами Европейского Союза (по состоянию на 1993 год, их "вклад" в иммиграционные потоки достигал в отдельных европейских странах 40%). С учетом этого обстоятельства, 40,8% иностранцев в экономически активном населении Люксембурга превращаются в 4,0%, а средний показатель для ЕС составляет 2,9%, не превышая в Испании, Финляндии, Португалии, Италии и Ирландии 1%.

Между тем в этих цифрах, которые в США могли бы считаться более чем приемлемыми, находят отражение процессы, ставшие серьезным испытанием для стран Европы. Начиная с середины 80-х годов, европейское общественное мнение склоняется к сокращению потока иммигрантов, что обусловливается трудностями ассимиляции. В Европе они живут еще более обособленными сообществами, чем в США; новые иммигранты направляются в те регионы, где численность их соотечественников и без того весьма велика (так, например, до 80% всех турков, живущих в ЕС, и 76% выходцев из бывшей Югославии проживают в Германии, тогда как 86% тунисцев и по 61% марокканцев и алжирцев - во Франции). Это порождает националистические и шовинистические настроения среди местных жителей. Наиболее острой проблемой становится распространение ислама: мусульманское население только во Франции, Германии и Великобритании превышает 10 миллионов человек, количество мечетей и молельных домов выросло в Германии с 3 в 1969 году до 1,5 тысячи в середине 90-х.

В конце 80-х годов европейские правительства начали ужесточать иммиграционную политику. В результате за 1991-1993 годы приток иммигрантов из-за пределов 15 стран ЕС сократился вдвое, с 1,5 миллиона до 790 тысяч человек в год, и достиг 680 тысяч человек в 2000 году; количество лиц, получивших статус беженцев, снизилось на протяжении 90-х годов в 4 раза. Реализуя принципы Маастрихтского договора, власти европейских государств предприняли решительные меры, направленные на сокращение нелегальной иммиграции (сегодня общепризнанно, что жизнь нелегальных

переселенцев в Европе намного сложнее, чем в Соединенных Штатах). Хотя в 2000 году в ЕС прибыло лишь 20 человек на 10 тысяч проживавших (в США в 90-е годы этот показатель составил 36 человек), европейские лидеры, как показала встреча в Севилье летом 2002 года, продолжают считать совершенствование методов контроля над иммиграцией одной из приоритетных задач.

И это понятно: система социального обеспечения, поддерживающая приемлемый уровень жизни переселенцев, процессы европейской интеграции, значительно расширяющие политические права мигрантов способствуют складыванию немыслимой в американских условиях ситуации, когда легальные иностранные рабочие не стремятся получить гражданство. Интегрирование иммигрантов в европейские общества оказалось затруднено. Представленная картина дает основание констатировать существенное отличие Европы от Соединенных Штатов в отношении к современным проблемам миграции. США сформировались как союз свободных людей, объединенных определенной целью; напротив, европейские нации-государства сложились на базе исторической традиции, общности происхождения и территории. Американская культура открыта для интеграции в нее новых элементов; европейцы, напротив, дорожат каждым элементом своей культуры и стремятся к сохранению ее оригинальности. Радикальное ограничение иммиграции, сколь бы рациональным ни выглядело его обоснование, противоречит универсалистской американской идеологии; европейцы же "никогда не считали себя принадлежащими к иммигрантским странам, как это свойственно американцам", поэтому они не скованы в подобных ограничениях какими бы то ни было рамками. В то же время европейские политики долгое время "опасались критики слева и справа [и] не осмеливались публично обсуждать плюсы и минусы иммиграции";. Если в США вокруг этой проблемы идут интенсивные (возможно, даже излишне интенсивные - по словам Д.Д. Сузы, он "неоднократно удивлялся тому, как много разговоров о расизме ему приходилось слышать, и как мало его проявлений отмечал он в реальной жизни") дискуссии, то в Европе эта исключительно важная проблема недопустимо долго замалчивалась.

Результаты известны. Рубеж столетий отмечен небывалым взлетом популярности ультраправых партий во многих европейских странах. С 1995 по 2001 год резко возросла доля избирателей, поддерживающих эти партии на общенациональных выборах (так, в Дании Датская народная партия получила в 2001 году почти 14% голосов против 10,5% в 1998-м; в Бельгии Фламандский блок собрал в 1999 году 16% голосов против 14% в 1995-м; в Швейцарии Швейцарская народная партия обеспечила себе в 1999 году поддержку 22% избирателей против 16% в 1995-м; Партия свободы в Австрии, собрав в 1999 году 27% голосов, провела своих представителей в правительство страны). В 2002 году на президентских выборах во Франции лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен, популярность которого у избирателей возросла с 3,4% в начале 80-х годов до 16,9% голосов, опередив действовавшего премьер-

министра, социалиста Л. Жоспена, вышел во второй тур выборов. Лишь стихийное объединение левых и центристских сил помешало дальнейшим успехам Ж.-М. Ле Пена, потерпевшего во втором туре сокрушительное поражение от Ж. Ширака. В Нидерландах консервативный блок П. Фортайна (убитого менее чем за неделю до всеобщих выборов 2002 года), выступавший с программой, включавшей в себя требования насильственной интеграции иммигрантов, прекращения практики принятия беженцев и предоставления политического убежища, победил в ряде ключевых регионов страны и сформировал вторую по численности депутатскую фракцию в парламенте. Однако это событие померкло на фоне успеха Ж. Ширака; эйфория по поводу поражения Ж.-М. Ле Пена вряд ли оправдана, т.к. основания для дальнейшего роста влияния националистических сил в Европе отнюдь не исчезли, а готовность демократических сил открыто обсуждать существующие проблемы не стала большей.

Что же следует из этого беглого взгляда на историю миграционных процессов? Мы полагаем, что в новом столетии Западу придется столкнуться с опасным вызовом, порожденным масштабной иммиграцией из стран "третьего" мира. Исторические условия, в которых этот вызов становится реальностью, весьма специфичны.

Во-первых, современный Запад уже не способен к тем формам внешней экспансии, которые были освоены им в предшествующие исторические периоды. С отказом от сохранения (а не распадом) европейских колониальных империй угасла тенденция к массовой эмиграции из развитых стран в направлении "третьего" мира. Важный урок истории заключается в том, что западные социальные порядки не были установлены в тех странах, где выходцы из Европы не составили устойчивого большинства населения. Они укоренились лишь в тех регионах, которые А. Мэддисон, один из самых оригинальных историков экономики, удачно назвал "пасынками" западной цивилизации (Western offshoots)68. Таким образом, первый из названных в начале статьи типов миграции представляется исчерпавшим свои возможности.

Во-вторых, миграция с периферии к центру, столь хорошо известная прошлым историческим эпохам, обусловливается теперь осознанным индивидуальным выбором каждого переселенца. Жизнь в условиях чуждой среды он воспринимает как выживание; в этих условиях обе стороны - и мигранты, и коренное население - неизбежно стремятся скорее сохранять собственные традиции, чем усваивать чужие. Таким образом, исчерпывается потенциал и второго типа миграционных процессов.

Следствием становится сегментация западного общества, чреватая его нарастающей неустойчивостью. Жертвы, понесенные в борьбе за формирование наций-государств как стабильной формы, преодолевающей групповой принцип организации общества, могут в современных условиях оказаться если и не напрасными, то, по крайней мере, не вполне оправданными. Сегментированные общества весьма распространены сегодня,

но при всем желании их трудно счесть прогрессивными. И если Запад смирится с идеями мультикультурализма, это, на наш взгляд, будет означать начало упадка современных западных обществ.

Сегодня проявления мультикультурализма нередко воспринимаются как одно из свидетельств прогрессирующей глобализации. США, провозгласившие себя нацией, "определяемой приверженностью принципам... свободы и равенства, и имеющей правительство, которое выражает волю граждан", считают, что привносимое иммиграцией культурное многообразие способствует их прогрессу. Тем самым Америка отвергла выстраданное Европой понимание того, что "любое сообщество... имеет полное право определять условия, на которых оно готово принимать иммигрантов, как и право отдавать предпочтение собственным культурным традициям, ценностям и стереотипам". Проблема иммиграции столь важна сегодня именно потому, что в ней заключен гораздо более масштабный вопрос соотношения изменчивости и преемственности, вопрос о том, в какой мере допустимо пренебрегать одним в пользу другого.

Иноземцев В.Л. Иммиграция в современном мире: новая проблема нового столетия/ В.Л. Иноземцев// Информационный бюллетень «Население и общество» Демоскоп Weekly. - № 121 – 122. - 11 - 24 августа 2003. – URL : http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0121/analit01.php

Immanuel Wallerstein

PASSIONS ABOUT MIGRANTS

In a world in which almost any subject seems to arouse deep cleavages within and among countries, arguably the one that has today the deepest and geographically widest resonance is migrants. At the moment, the most acute locus of attention is Europe, where there is a vociferous debate concerning how European countries should respond to the flight to Europe of refugees, especially those from Syria but also those from Iraq and Eritrea.

The basic argument in European public debate has been one between the advocates of compassion and morality who wish to welcome additional migrants and the advocates of self-protection and cultural preservation who wish to close the door against the entry of any more. Europe is in the spotlight for the moment, but parallel debates have long been going on across the world – from the United States and Canada to South Africa, Australia, Indonesia, and Japan.

The immediate precipitant of the European debate is the massive outflow from Syria, where the deterioration of the conflict has created an acute state of personal danger for a very large percentage of the population. Syria has become a country to which it is considered against international law to return emigrants. The debate has been about what therefore to do.

There are three different ways in which one can analyze the underlying issues: in terms of the consequences of migrants for the world and national economies, for local and regional cultural identities, and for the national and world political arenas. A good part of the confusion stems from a failure to distinguish these three perspectives.

If one starts with the economic consequences, the principal question is whether taking in migrants is a plus or minus for the receiving country. The answer is that it depends on which country.

We are now familiar with the demographic transition in which the wealthier the country, the more likely it is that families with middle-level incomes will have fewer children. This is basically because reproducing for one's child the same or higher income prospects requires a considerable investment in formal and informal education. This is financially burdensome if one does it for more than one child. In addition, improved health facilities result in longer-lived populations.

The consequence over time of a lowered birthrate and longer lives is that the demographic profile of a country becomes tilted to a higher percentage of older persons and a lengthening of the period in which a child is kept out of the active labor market. It follows that fewer persons in the active work range are supporting an increased number of persons at the older and younger age ranges.

One solution for this is to accept migrants, who can expand the proportion of the active work force and thereby ease the problem of financial support for the older and younger populations of the country. Against this argument is the assertion that the immigrants tap welfare resources and are therefore costly. But the welfare outputs seem to cost far less than the income from the active work inputs plus the additional taxes from working immigrants.

The situation is of course quite different in less wealthy countries, where the major impact of accepting migrants would be precisely to threaten the jobs of a population still willing to agree to do onerous work because of the country's overall demographic profile.

As for the world-economy as a whole, migration merely shifts the location of individuals and probably changes very little. Migrants do however pose a global cost because of the necessity to limit the negative humanitarian consequences of enormous numbers of migrants. Just think of paying for rescuing drowning migrants who have fallen off shaky boats in the Mediterranean.

If one looks at the question from the perspective of cultural identity, the arguments are quite different. All states promote a national identity as a necessary mechanism of ensuring the primacy of allegiance. But of what national identity are we talking? Is it French-ness or Chinese-ness? Or is it Christian-ness or Buddhist-ness? This is precisely the question that differentiates the position of Germany's Chancellor Angela Merkel and Hungary's President Viktor Orban. Merkel asserts that new migrants of whatever ethnic or religious origin can be integrated as German citizens. Orban sees Muslim migrants as invaders that threaten the permanence of Hungary's Christian identity.

The debate extends beyond national boundaries. For Merkel, the migrant's integration is not only to Germany but to Europe. For Orban, the migrant's threat is not only to Hungary, the state, but to all of "Christian Europe." But see the comparable debate in France about Muslim garb for women. For some, the question is not relevant if the migrants give their loyalty to France as a citizen. But for defenders of an absolute version of laicité, Muslim garb for women is totally unacceptable, violating the cultural identity of France.

There is no middle path in this kind of cultural debate. It creates an absolute impasse. And precisely because it creates an impasse, this pushes the discussion to the political arena. The ability to prevail in implementing a cultural priority depends on being able to control the political structures. Merkel and Orban, as every other politician, must obtain political support (including of course votes) or they are removed from the decision-making process. In order to maintain themselves in office, they often have to make concessions to strong currents of opinion that they do not like. This may also involve adjustments in economic policy. So, if on one day they lay out a clear line of policy, the next day they may seem to be less firm. The actors have to maneuver in a national, regional, and world political arena.

Where will Europe be ten years from now in terms of feelings about migrants? Where will the world be? It is an open question. Given the chaotic realities of a world in transition to a new historical system, we can only say that it depends on the moment-by-moment changing strengths of the contesting programs for the future. Migrants are one locus of the debate, but the debate is much wider.

Wallerstein I. Passions about migrants/ I. Wallerstein// Immanuel Wallerstein. – Commentary No. 409, Sept. 15, 2015. - URL : https://www.iwallerstein.com/articles/

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПО Э. ХОЛЛУ: КОНЦЕПЦИЯ «КУЛЬТУРНОЙ ГРАММАТИКИ»

У каждой культуры есть своя логика и свое представление о мире. То, что значимо в одной культуре, может быть несущественным в другой. Поэтому важно всегда с уважением смотреть на своего партнера – представителя иной культуры. Он действительно, другой, и это его право. Уважение к нему выражается не только в заинтересованности, но и в знании некоторых особенностей жизни его страны. Знание этих особенностей убеждает, что каждая культура содержит в себе целый ряд ключевых элементов – культурных категорий, которые являются определяющими в способах общения и поведения индивидов. Знание и учет этих категорий при межкультурных контактах составляют основу концепции «культурной грамматики» Э. Холла. Одной из наиболее значимых культурных категорий

является категория времени, которая различным образом толкуется в разных культурах.

Во всех культурах категория времени служит важным показателем темпа жизни, ритма деятельности. От того, какова ценность времени в культуре, зависят типы и формы общения людей. По этой причине отношение ко времени в той или иной культуре следует обязательно учитывать при общении с ее представителями. <...>

<...> По способу использования времени культуры принято разделять на два противоположных вида: в одних культурах время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности, поэтому одно идет за другим, как звенья одной цепи. Культуры, в которых доминирует такой вид распределения времени, называются монохронными, так как в них за один период времени выполняется только одно дело. В других культурах время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен не один, а сразу несколько видов деятельности. Такие культуры называются полихронными, поскольку сразу несколько дел выполняются одновременно.

В монохронных культурах время понимается как линеарная система, наподобие длинной прямой улицы, по которой люди движутся вперед или остаются в прошлом. В них время можно экономить, терять, наверстывать, ускорять. Одним словом, его можно охватить. Оно является системой, с помощью которой поддерживается порядок в организации человеческой жизни. Такая система играет решающую роль во многих индустриально развитых странах. Исходя из того, что «монохронный» человек занимается только одним видом деятельности за определенный отрезок времени, он вынужден как бы «закрываться» в своем собственном мире, в который другим людям нет доступа. Люди такого типа не любят, если их прерывают в процессе какой-либо деятельности. Такая система использования времени господствует в Германии, США, ряде североевропейских стран.

Полихронное время является полной противоположностью монохронному. В культурах этого типа большую роль играют межличностные, человеческие отношения, а общение с человеком важнее, чем принятый план деятельности. К типичным полихронным культурам относятся Латинская Америка, Ближний Восток и государства Средиземноморья, а также Россия. Пунктуальности и распорядку дня в этих культурах не придается большого значения.

Как правило, ни один контакт между людьми, принадлежащими к различным временным системам, не обходится без стресса. При этом очень сложно избежать негативных эмоций, если приходится подстраиваться под другую временную систему. Здесь важно всегда помнить, что на поступки людей из другой системы времени нельзя реагировать точно так же, как на те же поступки людей из своей временной системы. Многие действия, например, такие, как опоздание или внезапный перенос встречи, имеют иное, а иногда и просто противоположное значение.

Контекст. Характер и результаты процесса коммуникации определяются, среди прочего, и степенью информированности его участников. Есть культуры, в которых для полноценного общения необходима дополнительно подробная и детальная информация. Это объясняется тем, что практически отсутствуют неформальные сети информации и как следствие люди оказываются недостаточно информированными. Такие культуры называются культурами с «низким» контекстом. И напротив, в других культурах у людей нет необходимости в получении более полной информации. Здесь люди нуждаются лишь в незначительном количестве дополнительной информации, чтобы иметь ясную картину происходящего, так как в силу высокой плотности неформальных информационных сетей они всегда оказываются хорошо информированными. Такие общества называются культурами с «высоким» контекстом. Принятие во внимание контекста или плотности информационных сетей культуры является обязательным элементом успешного понимания того или иного события.

Высокая плотность информационных сетей предполагает тесные контакты между членами семьи, постоянные контакты с друзьями, коллегами, клиентами. В этом случае в отношениях между людьми всегда присутствуют тесные связи. Люди из таких культур не нуждаются в детальной информации о происходящих событиях, так как они постоянно в курсе всего того, что происходит вокруг. К странам с высоким контекстом культуры принадлежат Франция, Испания, Италия, страны Ближнего Востока, Япония и Россия.

К противоположному типу низкоконтекстуальных культур можно отнести Германию, Швейцарию; культура Северной Америки соединяет в себе средний и низкий контексты. Люди в этих странах всегда нуждаются в большом количестве дополнительной информации. <...>

<...>Отсюда следует, что одна из важнейших черт коммуникационных стратегий заключается в том, чтобы, учитывая контекст, как можно точнее адаптировать объем информации к соответствующим информационным потребностям партнера по коммуникации. Ведь если дается излишняя информация, то это может восприниматься как поучение, в то время как недостаточное информирование привносит путаницу.

Пространство. Как говорилось в главе о невербальных средствах коммуникации, каждому человеку для его нормального существования необходим определенный объем пространства вокруг него, которое он считает своим личным пространством. Размеры этого пространства зависят от степени близости с теми или иными людьми, от принятых в данной культуре форм общения, от вида деятельности и т. д. Этому личному пространству придается большое значение, поскольку вторжение в него обычно рассматривается как покушение на внутренний мир человека.

Формирование чувства личного пространства происходит в детстве, и его размеры регулируются чаще всего бессознательно. Они интуитивно поддерживаются при общении с представителями своей культуры и, как правило, не создают проблем для коммуникации. Однако при общении с

представителями других культур дистанция общения создает проблемы для коммуникации, поскольку отношение к пространству в каждой культуре обусловлено ее особенностями и ошибочно может пониматься представителями другой культуры. Дело в том, что большинство людей воспринимает пространство не только глазами, но и всеми остальными органами чувств. Начиная с самого детства, человек усваивает значение пространственных сигналов и в рамках собственной культуры может их безошибочно узнавать. Однако при общении с представителями других культур органы чувств человека не в состоянии точно истолковать незнакомые пространственные сигналы, что может быть причиной непонимания или конфликта.

Соответственно и реакция людей на одни и те же пространственные сигналы почти всегда различается в разных культурах. В тех странах, где люди довольствуются относительно небольшим личным пространством, толчея на улице, когда все друг друга касаются или даже толкают, воспринимается как совершенно нормальное явление. В этих культурах люди не боятся прямых физических контактов. К ним относятся такие страны, как Италия, Испания, Франция, Россия, страны Ближнего Востока и другие. В других культурах, например, в североевропейских странах, Германии, США люди, наоборот, максимально стремятся избегать близких дистанций или прикосновений.

Динамика движений и личная дистанция при разговоре является неотъемлемой частью процесса коммуникации. Дистанция при разговоре, которая допускается между чужими людьми, показывает динамику коммуникации, которая проявляется в движениях. Если собеседник подходит слишком близко, мы автоматически делаем шаг назад. Так, латиноамериканец и европеец в привычной обстановке разговаривают на разном расстоянии. Но при общении друг с другом латиноамериканец будет стараться оказаться на привычном для него расстоянии, тогда как это стремление будет воспринято европейцем как вторжение в его личное пространство. Он тут же постарается отодвинуться. В ответ латиноамериканец постарается приблизиться вновь, что с точки зрения европейца будет воспринято как проявление агрессии.

Пространственный фактор в коммуникации может также служить для выражения отношений господства – подчинения. Однако в каждой культуре приняты разные сигналы, выражающие отношения во власти. Например, в Германии и США верхние этажи офисов обычно предназначены для руководящих сотрудников фирмы или отдела. При этом угловые офисы, с наиболее широким обзором, занимаются, как правило, главными менеджерами или владельцами фирм. В России руководящие сотрудники стараются избегать верхних и вообще крайних этажей, предпочитая размещать свои офисы на средних этажах здания. Похожая картина наблюдается и во Франции. Это объясняют тем, что власть и контроль в этих странах обычно исходят из центра.

Информационные потоки. Для процесса коммуникации очень важной культурной категорией являются информационные потоки, которые вместе со

всеми рассмотренными выше факторами образуют единый комплекс причин, определяющих поведение человека в рамках своей культуры. Для процесса коммуникации важность информационных потоков определяется формами и скоростью распространения информации. Проблема заключается в том, что в одних культурах информация распространяется медленно, целенаправленно, по специально предназначенным каналам и поэтому носит ограниченный характер. В других культурах система распространения информации действует быстро и широко, вызывая соответствующие действия и реакции. Поэтому для межкультурной коммуникации становится важным, каким образом в соответствующей культуре распространяется информация. Ведь культурные различия, влияющие на характер распространения информации, могут стать серьезными препятствиями при межкультурных контактах.

Например, в североевропейских странах, и особенно в Германии, которые относятся к монохронным культурам с низким контекстом, передаваемая информация является важнее, чем та, которая уже находится в памяти, В культурах этих стран люди, образно говоря, отгораживаются от окружающего мира, поэтому там внешняя информация является важнее, чем та, которая уже имеется. Это тип культуры с низкой скоростью распространения информации. В этих странах все должно иметь свою структуру и порядок. Все предельно точно определено правилами, а пространство для личностной инициативы незначительно. Люди вовлечены в поток информации, перегруженный мельчайшими деталями. Для того чтобы переработать такое количество информации, требуется введение большого числа правил, регулирующих ее распространение. <...>

<...> В то же время в культурах с высоким контекстом, к которым принадлежат Россия, Франция и другие страны южной Европы, все происходит с точностью до наоборот. Эти культуры являются полихронными и имеют высокую скорость распространения информации. Люди этих культур имеют эффективную неформальную информационную сеть и, как правило, не отгораживаются от возможных помех внешнего окружения. Вся информация проходит беспрепятственно, причем те данные, которые хранятся в памяти, являются более важными, чем те, которые вновь передаются. Люди обо всем превосходно информированы, и у них нет необходимости выяснять подоплеку каждого нового события. Перегрузка информационных каналов случается также нечасто, поскольку люди находятся в непрерывном контакте друг с другом. Тщательный распорядок дня и всевозможные мероприятия по отграничению своего времени и пространства в этих культурах отсутствуют, так как они являются помехой для жизненно важных контактов между людьми, имеющих для них первостепенное значение.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 192-199.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ПО Г. ХОФСТЕДЕ: КОНЦЕПЦИЯ «МЕНТАЛЬНЫХ ПРОГРАММ»

В силу индивидуальных особенностей психики, социального окружения и соответствующих черт культуры каждый человек по-своему воспринимает окружающий мир, является носителем определенного образа мыслей и потенциальных действий. Подавляющее большинство социальных моделей поведения людей формируется в детском возрасте, поскольку именно в детстве человек наиболее восприимчив к процессам обучения. Как только определенные ощущения, формы мышления и способы действий возникают и закрепляются в сознании индивида, они консервируются и слабо поддаются новациям. Ведь для этого сначала нужно отказаться от старых образцов, чтобы потом усвоить что-то новое. А отказ от привычных ощущений, мыслей и моделей поведения дается всегда труднее, чем обучение с «чистого листа». Такие механизмы формирования ощущений, мыслей и поведения называются в культурной антропологии ***ментальными программами***. Источниками ментальных программ являются культура и социальное окружение, то есть те условия, в которых происходит социализация и инкультурация человека. Это означает, что ментальные программы определяются так называемыми измерениями культуры, включающими в себя:

- дистанцию власти;
- коллективизм – индивидуализм;
- маскулинность – феминность;
- избегание неопределенности.

Дистанция власти. Измерение «дистанция власти» показывает, какое значение в разных культурах придается властным отношениям между людьми и как варьируются культуры относительно данного признака.

Некоторые культуры имеют преимущественно иерархическую, или вертикальную структуру, в то время как в других культурах иерархия выражена не так сильно или наблюдается горизонтальная структура построения властных отношений. В иерархических обществах с высокой (большой) дистанцией власти всем вышестоящим лицам: начальникам или родителям и прочим носителям властных полномочий – традиционно оказывается подчеркнутое уважение и демонстрируется послушание. Выражение противоречия, жесткая критика или открытое противодействие в таких культурах не допускаются.

В культурах с низкой (малой) дистанцией власти наибольшее значение придается таким ценностям, как равенство в отношениях и индивидуальная свобода. Поэтому коммуникация здесь менее формальна, равенство собеседников подчеркивается сильнее, а стиль общения носит более консультативный характер, чем в культурах с высокой дистанцией власти. В культурах с низкой дистанцией власти эмоциональная дистанция между

вышестоящими персонами и подчиненными незначительна. Например, сотрудники всегда могут подойти к своему шефу с вопросом или высказать критические замечания. Открытое несогласие или активное противоречие начальнику также рассматривается как норма. В культурах с высокой дистанцией власти устанавливается сильная зависимость между начальниками и подчиненными. Сотрудники должны либо признавать власть своего начальника, либо полностью отклонять ее и прерывать отношения. В этом случае эмоциональная дистанция между начальниками и подчиненными очень большая. Сотрудники лишь в редких случаях могут себе позволить задать вопросы своему шефу, не говоря уже о том, чтобы подвергнуть его критике. <...>

<...> Дистанция власти объясняется Хофстеде через основные ценности членов общества, наделенных властью. Способ распределения власти обычно исходит из поведения наделенных этой властью членов общества, то есть из когорты руководителей, а не из остальной массы руководимых. Однако здесь важно учитывать и то, что авторитет может возникнуть только там, где он встречает послушание и покорность. В культурах с большой дистанцией власти эта власть видится как некая данность, имеющая фундаментальные основы. Вопрос о легитимности власти здесь не столь важен, поскольку в обществе негласно присутствует признание того, что в мире должен быть определенный «порядок неравенства», в котором каждый имеет свое место.

Следует подчеркнуть, что рассмотренные характеристики культур с большой и малой дистанцией власти являются всего лишь идеальными моделями, крайними точками континуума «культуры с большой дистанцией власти – культуры с малой дистанций власти». Те или иные конкретные культуры находятся где-то в середине этого континуума.

Индивидуализм – коллективизм. Разделение культур на индивидуалистские или коллективистские является одним из важных показателей в межкультурной коммуникации, поскольку с его помощью объясняются различия в поведении представителей разных культур. Подавляющее большинство людей живет в обществах, в которых интересы группы превалируют над интересами индивида. Такие общества называются коллективистскими. Причем, речь здесь не идет о власти государства над индивидом, а именно о власти группы. Самая первая группа, в которой оказывается человек с рождения, – это его семья. В большинстве коллективистских обществ семья состоит из довольно большого количества людей, живущих под одной крышей. В нее могут входить не только родители и их дети, но также дедушки, бабушки, дяди, тети и прочие родственники. Такие образования называются большими семьями или семейными кланами. Если дети вырастают в семьях такого типа, то они учатся воспринимать себя как часть «мы-группы», причем, подобные отношения считаются естественными. «Мы-группа» отличает себя от других групп в обществе и является источником создания собственной идентичности. Между индивидом и группой изначально развиваются отношения зависимости. «Мы-группа»

служит защитой для индивида, от которого в ответ требуется постоянная лояльность в отношении группы. Нарушение лояльности к группе считается тяжким проступком в коллективистских культурах. В большинстве коллективистских культур прямая конфронтация с другими людьми считается невежливой и нежелательной. Слово «нет» говорится реже, чем в индивидуалистских культурах, поскольку само слово уже означает конфронтацию. Обтекаемые ответы типа «возможно, вы правы», или «мы подумаем» считаются более вежливыми и приемлемыми. В таких обществах не существует «личного мнения». Личное мнение определяется мнением группы. Если появляется какая-либо новая тема, в отношении которой еще не выработана четкая групповая позиция, то собирается своеобразный совет группы, где и формулируется групповое мнение. Коллективистский тип культуры в настоящее время распространен в таких странах, как Гватемала, Панама, Венесуэла, Колумбия, Пакистан, Корея и другие страны. Россию также причисляют к коллективистскому типу культур.

В то же время меньшая часть людей на планете живет в обществах, в которых интересы индивида преобладают над интересами группы. Эти общества и их культуры носят название индивидуалистских. В таких обществах семьи включают только родителей и их детей. Такой тип семей называют малыми (или нуклеарными) семьями. Если дети вырастают в малых семьях, то они быстро учатся воспринимать свое «я» отдельно от других людей. Это «я» определяет личную идентичность человека и отделяет его от других «я». Причем, в основе классификации других людей лежит не их групповая принадлежность, а индивидуальные признаки. Цель воспитания в том, чтобы сделать ребенка самостоятельным, то есть научить независимости, в том числе и от родителей. Более того, ожидается, что как только цель воспитания будет достигнута, ребенок покинет родительский дом. Нередко случается, что, уходя из дома, дети сводят контакты с родителями до минимума или даже прерывают совсем. В таких обществах от физически здорового человека ожидается, что он ни в каком отношении не будет зависеть от группы. Индивидуалистскими культурами считаются культуры США, Австралии, Великобритании, Канады, Нидерландов, Новой Зеландии и других стран.

Маскулинность – феминность. <...> Понятия маскулинность и феминность, согласно Хофстеде, определяют социальные, заранее определенные культурой роли. Однако относительно того, что считать «мужским», а что «женским», в каждой конкретной культуре существуют различные мнения. Поэтому в качестве критерия разделения маскулинных и феминных культур Хофстеде предлагает традиционное разделение общества. То есть мужчинам приписывается твердость, ориентация на конкуренцию, соперничество и стремление быть первым. Женщинам приписывается ориентация на дом, семью, социальные ценности, а также мягкость, эмоциональность и чувственность. Естественно, что эти понятия не являются абсолютными. Некоторые мужчины могут иметь черты женского поведения, а

женщины – мужского, но это рассматривается как отклонение от нормы.

Согласно такому разделению в маскулинных культурах центральное место занимают работа, сила, независимость, материальный успех, открытость, конкуренция и соперничество и существует ясное разграничение мужских и женских ролей. В феминных культурах эти признаки считаются не столь важными. На первом плане здесь находятся эмоциональные связи между людьми, забота о других членах общества, сам человек и смысл его существования. Например, конфликты в таких культурах пытаются решать путем переговоров и достижения компромисса, в то время как в маскулинных культурах конфликты решаются в свободной борьбе, по принципу «пусть победит лучший».

<...> К культурам феминного типа Хофстеде относит Швецию, Норвегию, Нидерланды, Данию, Финляндию, Чили, Португалию и другие страны. Можно предположить, что Россия также относится к этому ряду. К маскулинным культурам относятся Япония, Австрия, Венесуэла, Италия, Швейцария, Мексика, Великобритания, Германия и другие страны.

Следует заметить, что отнесение некоторых стран, например, к ярко выраженным феминным культурам вовсе не означает, что мужские и женские ценности в этих странах полностью совпадают. В каждой культуре, даже в «самых» маскулинных, например, Японии или Австрии, мужские и женские ценности также нередко пересекаются, однако различие между маскулинными и феминными культурами состоит в частоте таких пересечений. Поэтому такое разграничение не следует понимать буквально, так как за ним стоят данные статистического анализа, а не абсолютные выводы.

Избегание неопределенности. <...> В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности в ситуации неизвестности индивид испытывает стресс и чувство страха. Высокий уровень неопределенности, согласно Хофстеде, ведет не только к повышенному стрессу у индивидов, но и к высвобождению у них большого количества энергии. Поэтому в культурах с высокой степенью избегания неопределенности наблюдается высокий уровень агрессивности, для выхода которой в таких обществах создаются особые каналы. Это проявляется в существовании многочисленных формализованных правил, регламентирующих действия, которые дают возможность для людей максимально избегать неопределенности в поведении. Например, в обществах с высоким уровнем избегания неопределенности в организациях создаются особенно подробные законы или неформальные правила, которые устанавливают права и обязанности работодателя и наемных работников. Так, контракт на работу, составленный в США, будет заметно короче аналогичного японского контракта. В последнем будет учтено множество деталей, которым американцы не придадут большого значения. Кроме того, существует множество внутренних правил и инструкций, определяющих распорядок рабочего дня. Создается четкая структура, в которой люди стараются в максимально возможной степени избежать случайностей. В таких культурах постоянная спешка является нормальным явлением, а люди не склонны к

принятию быстрых изменений и препятствуют возможным нововведениям.

В культурах с низким уровнем избегания неопределенности люди в большей степени склонны к риску в незнакомых условиях и для них характерен более низкий, уровень стрессов в неизвестной ситуации. Молодежь и люди с отличающимся поведением и образом мыслей воспринимаются в таких обществах позитивнее, чем в обществах с высоким уровнем избегания неопределенности. В странах с низким уровнем избегания неопределенности наблюдается отчетливое противоборство относительно введения формализованных правил, которое чаще всего эмоционально окрашено. Поэтому правила устанавливаются только в случае крайней необходимости. В таких обществах люди считают, что они способны решать проблемы и без множества формальных правил. Они в состоянии много работать, если необходимо, но при этом не чувствовать потребности быть постоянно активными. <...>

<...> В культурах с низким уровнем избегания неопределенности учителя и преподаватели не воспринимаются как непогрешимые эксперты. Здесь допускается, что учитель может ответить на вопрос учеников «я не знаю» и это не будет считаться признаком его некомпетентности. Несовпадение мнений между преподавателем и учениками в таких культурах является скорее признаком критического мышления последних и чаще всего поощряется.

К культурам с низким уровнем избегания неопределенности относят такие страны, как Сингапур, Ямайка, Дания, Швеция, Ирландия, Великобритания, Индия, США и др. Греция, Португалия, Гватемала, Уругвай, Бельгия, Япония, Франция, Чили, Испания и другие соответственно относятся к странам с высоким уровнем избегания неопределенности. Относительно России подобных данных не существует. Можно лишь предположить, что в России нет четко выраженной тенденции ни к явно высокому, ни к явно низкому уровню избегания неопределенности. <...>

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 200-206.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П.

КУЛЬТУРНЫЙ ШОК В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ

<...> Термин «культурный шок» был введен в научный обиход американским исследователем К. Обергом в 1960 году, когда он отметил, что вхождение в новую культуру сопровождается целым рядом неприятных ощущений. Сегодня считается, что опыт новой культуры является неприятным, или шоковым, с одной стороны, потому что он неожидан, а с

другой стороны, потому что он может привести к негативной оценке собственной культуры.

Обычно выделяют шесть форм проявления культурного шока:

• напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации;

• чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности;

• чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, которое может превратиться в отрицание этой культуры;

• нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации;

• тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий;

• чувство неполноценности из-за неспособности справиться с ситуацией.

Главной причиной культурного шока является различие культур. Каждая культура имеет множество символов и образов, а также стереотипов поведения, с помощью которых мы можем автоматически действовать в разных ситуациях. Когда мы находимся в условиях новой культуры, привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия. Обычно, находясь в условиях своей культуры, человек не отдает себе отчет, что в ней есть эта скрытая часть «культурного айсберга». Мы осознаем наличие этой скрытой системы контролирующих наше поведение норм и ценностей лишь тогда, когда попадаем в ситуацию контакта с иной культурой. Результатом этого и становится психологический, а нередко и физический дискомфорт – культурный шок.

Симптомы культурного шока могут быть самыми разными: от преувеличенной заботы о чистоте посуды, белья, качестве воды и пищи до психосоматических расстройств, общей тревожности, бессонницы, страха. Они могут вылиться в депрессию, алкоголизм или наркоманию и даже привести к самоубийству.

Разумеется, культурный шок имеет не только негативные последствия. Современные исследователи рассматривают его как нормальную реакцию, как часть обычного процесса адаптации к новым условиям. Более того, в ходе этого процесса личность не просто приобретает знания о новой культуре и о нормах поведения в ней, но и становится более развитой культурно, хотя и испытывает при этом стресс. Поэтому с начала 1990-х годов специалисты предпочитают говорить не о культурном шоке, а о стрессе аккультурации.

Механизм развития культурного шока. Впервые он был подробно описан К. Обергом, который утверждал, что люди проходят через определенные ступени переживания культурного шока и постепенно достигают удовлетворительного уровня адаптации. Сегодня для их описания

предложена модель так называемой кривой адаптации (U-образная кривая), в которой выделяется пять ступеней адаптации.

Первый период называют «медовым месяцем», потому что большинство мигрантов стремятся учиться или работать за границей, и, оказавшись там, они полны энтузиазма и надежд. К тому же, часто к их приезду готовятся, их ждут, и на первых порах они получают помощь и могут иметь некоторые привилегии.

Но этот период быстро проходит, и на втором этапе непривычная окружающая среда и культура начинают оказывать свое негативное воздействие. Все большее значение приобретают психологические факторы, вызванные непониманием местных жителей. Результатом может быть разочарование, фрустрация и даже депрессия. Иными словами, наблюдаются все симптомы культурного шока. Поэтому в этот период мигранты пытаются убежать от реальности, общаясь преимущественно со своими земляками и жалуясь им на жизнь.

Третий этап становится критическим, так как культурный шок достигает своего максимума. Это может привести к физическим и психическим болезням. Часть мигрантов сдается и возвращается домой, на родину. Но большая часть находит в себе силы преодолеть культурные различия, учит язык, знакомится с местной культурой, обзаводится местными друзьями, от которых получает необходимую поддержку.

На четвертом этапе появляется оптимистический настрой, человек становится более уверенным в себе и удовлетворенным своим положением в новом обществе и культуре. Приспособление и интегрирование в жизнь нового общества продвигается весьма успешно.

Полная адаптация к новой культуре достигается на пятом этапе. Индивид и окружающая среда с этого времени взаимно соответствуют друг другу. В зависимости от факторов, влияющих на процесс адаптации, он может продолжаться от нескольких месяцев до 4–5 лет.

Пять ступеней адаптации составляют U-образную кривую развития культурного шока, которая характеризуется следующими ступенями: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо.

Интересно, что когда успешно адаптировавшийся в чужой культуре человек возвращается к себе на родину, он сталкивается с необходимостью пройти реадаптацию к своей собственной культуре. Считается, что при этом он испытывает шок возвращения. Для него предложена модель W-образной кривой реадаптации. Она своеобразно повторяет U-образную кривую: первое время человек радуется возвращению, встречам с друзьями, но потом начинает замечать, что какие-то особенности родной культуры кажутся ему странными и непривычными, и лишь постепенно он вновь приспосабливается к жизни дома.

Безусловно, названные модели не являются универсальными. Например, туристы, в силу кратковременности своего пребывания в чужой стране, не испытывают культурного шока и не проходят адаптации. Из-за особенно

сильной мотивации постоянные переселенцы также адаптируются несколько иначе, ведь им нужно полностью включиться в жизнь нового общества и изменить свою идентичность.

Факторы, влияющие на культурный шок. Степень выраженности культурного шока и продолжительность межкультурной адаптации зависят от очень многих факторов. Их можно объединить в две группы: внутренние (индивидуальные) и внешние (групповые).

В первой группе факторов важнейшими являются индивидуальные характеристики человека: пол, возраст, черты характера.

Считается, что возраст является критическим элементом адаптации к другому сообществу. Чем старше люди, тем труднее они адаптируются к новой культурной системе, тяжелее и дольше переживают культурный шок, медленнее воспринимают модели новой культуры. Так, маленькие дети адаптируются быстро и успешно, но уже школьники испытывают большие затруднения в этом процессе. Практически не способны к адаптации и аккультурации пожилые люди.

Пол также влияет на процесс адаптации и продолжительность культурного шока. Считается, что женщины труднее приспосабливаются к новому окружению, чем мужчины. Но это относится к женщинам из традиционных обществ, удел которых и на новом месте – занятие домашним хозяйством и ограниченное общение с новыми людьми. Что же касается женщин из развитых стран, они не обнаруживают различий в своих способностях к аккультурации по сравнению с мужчинами. <...>

В связи с этими исследованиями учеными были предприняты попытки выделить некий универсальный набор личностных характеристик, которыми должен обладать человек, готовящийся к жизни в чужой стране с чужой культурой. Обычно называют следующие черты личности: профессиональная компетентность, высокая самооценка, общительность, экстравертность, открытость для разных взглядов, интерес к окружающим людям, склонность к сотрудничеству, терпимость к неопределенности, внутренний самоконтроль, смелость и настойчивость, эмпатия. Правда, реальная жизненная практика показывает, что наличие этих качеств не всегда гарантирует успех. Если ценности чужой культуры слишком сильно отличаются от названных свойств личности, то есть культурная дистанция слишком велика, адаптация не будет протекать легче.

К внутренним факторам адаптации и преодоления культурного шока относятся также обстоятельства жизненного опыта человека. Здесь важнее всего – мотивы к адаптации. Самая сильная мотивация обычно у эмигрантов, которые стремятся переехать на постоянное место жительства в другую страну и хотят поскорее стать полноправными членами новой культуры. Велика мотивация и у студентов, которые получают образование за границей и тоже стремятся адаптироваться быстрее и полнее, чтобы достичь своей цели. Намного хуже обстоит дело с вынужденными переселенцами и беженцами, которые не хотели покидать своей родины и не желают привыкать к новым

условиям жизни. От мотивации мигрантов зависит, насколько хорошо они знакомы с языком, историей и культурой той страны, куда они едут. Наличие этих знаний, безусловно, облегчает адаптацию.

Если человек уже имеет опыт пребывания в инокультурной среде, то этот опыт способствует более быстрой адаптации. Помогает адаптации и наличие друзей среди местных жителей, с помощью которых можно быстрее овладеть необходимой для жизни информацией. Контакты с бывшими соотечественниками, также живущими в этой стране, с одной стороны, обеспечивают поддержку (социальную, эмоциональную, иногда – даже финансовую), но, с другой стороны, есть опасность замкнуться в узком круге общения, что только усилит чувство отчуждения. Поэтому многие службы, связанные с эмигрантами, пытаются ограничить их проживание в гомогенных национальных группах, так как они убеждены, что это мешает быстрой адаптации и может даже послужить причиной этнических предубеждений.

Среди внешних факторов, влияющих на адаптацию и культурный шок, прежде всего, нужно назвать культурную дистанцию, то есть степень различий между родной культурой и той, к которой идет адаптация. В этом случае важно отметить, что на адаптацию влияет даже не сама культурная дистанция, а представление человека о ней, его ощущение культурной дистанции, которое зависит от множества факторов: наличия или отсутствия войн или конфликтов, как в настоящем, так и в прошлом, знание чужого языка и культуры и т.д. Субъективно культурная дистанция может восприниматься как более длинная, так и более короткая, чем она есть на самом деле. И в том и в другом случае культурный шок продлится, а адаптация будет затруднена.

На процесс адаптации также влияют особенности культуры, к которой принадлежат мигранты. Так, хуже адаптируются представители культур, в которых очень важно понятие «лица» и где боятся его потерять. Для них очень важно вести себя правильно, поэтому они очень болезненно воспринимают неизбежные в этом процессе ошибки, и незнание. Плохо адаптируются также представители так называемых великих держав, которые обычно считают, что приспосабливаться должны не они, а другие.

Очень важны для нормальной адаптации условия страны пребывания: насколько доброжелательны местные жители к приезжим, готовы ли помочь им, общаться с ними. Легче адаптироваться в плюралистическом обществе, чем в тоталитарном или ортодоксальном. Лучше всего, если политика культурного плюрализма провозглашена на государственном уровне, как, например, в Канаде или Швеции. Немаловажную роль играет экономическая и политическая стабильность в принимающей стране. Еще один фактор – уровень преступности, от которого зависит безопасность мигрантов. Также нужно упомянуть возможность общаться с представителями другой культуры, что возможно, если есть общая работа, увлечения или иные совместные занятия. И, конечно, важна позиция СМИ, которые создают общий эмоциональный настрой и общественное мнение по отношению к другим этническим и культурным группам.

Разумеется, культурный шок – это сложный и болезненный для человека процесс. Ведь в ходе него идет личностный рост, ломка существующих стереотипов, для чего требуется огромная затрата физических и психологических ресурсов человека. Но результаты стоят того: новая картина мира, основанная на принятии и понимании культурного многообразия, снятие дихотомии «мы – они», устойчивость перед новыми испытаниями, терпимость к новому и необычному. Главный итог – способность жить в постоянно меняющемся мире, в котором все меньшее значение имеют границы между странами и все более важными становятся непосредственные контакты между людьми.

Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – С. 215-219.

Нагорняк А. А.

ВИДЫ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В СИТУАЦИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

<...> Для выявления «зон риска» в межкультурной коммуникации попробуем соотнести основные типы контекста, присутствующие в модели коммуникации, с характеристиками участников. Но, поскольку в данном случае необходим учет культурной идентичности участников, введем в нашу методику анализа еще три параметра. Этими параметрами стали три типологических измерения культур из классификации Г. Хофстеде. Одно из этих измерений связано с отношением носителей культуры к неопределенности, неясности, возникающей в ситуации общения, и характеризуется либо терпимостью к неоднозначности, либо стремлением ее избежать. У носителей каждой культуры формируется определенная программа, которая вызывает некоторую степень дискомфорта, если ситуация общения недостаточно четко структурирована, необычна и не соответствует ожиданиям коммуниканта. Культуры с низкой терпимостью к таким ситуациям стараются минимизировать возможности и возникновения, устанавливая строгие правила для каждого типа коммуникативной ситуации. Представители таких культур сопротивляются изменениям, более эмоциональны, обладают повышенной тревожностью и меньшей терпимостью к людям с отличными от них формами поведения. Для них характерна потребность в консенсусе и слабая мотивация к жизненному успеху. Культуры с более высокой терпимостью к неопределенности в ситуациях общения более толерантны к инакомыслию и чаще побуждают своих представителей к поиску нестандартного решения той или иной проблемы.

Другое измерение – дистанция власти – характеризует отношение к власти и является показателем того, насколько индивиды, наделенные малой властью,

согласны с ее несправедливым распределением в обществе. В культурах с высокой дистанцией власти последняя рассматривается как основа жизни общества: способность к подчинению, послушанию рассматривается в них как одна из моральных ценностей. В культурах с низкой дистанцией власти особое значение имеет легитимность ее использования, а также уважение к правам индивида.

Третье измерение – индивидуализм/коллективизм – разделяет культуры по принципу приоритетности индивидуальных или групповых целей и показывает, насколько важно для индивида быть частью коллектива. Социальные роли и статусы собеседников проявляются в разных типах контекста следующим образом. С точки зрения социокультурного контекста важны два фактора: степень различия социальных статусов собеседников и характеризующая каждую из культур дистанция власти. С точки зрения ситуационного контекста различия в статусах могут быть более или менее значимы для данной ситуации. Культурная идентичность подсказывает участникам, как каждый из них должен себя вести с учетом различия (или сходства) социальных ролей, а также с учетом присущих его/ее культуре норм вежливости.

В результате сопоставительного анализа выделяем следующие зоны риска:

1. Взаимодействующие культуры слишком различны по параметру «дистанция власти».
2. Собеседники имеют разные стереотипы, касающиеся манеры поведения вышестоящих с нижестоящими и наоборот; соответственно, каждый из собеседников может быть шокирован поведением другого.
3. Степень значимости статусных различий будет оценена собеседниками по-разному; соответственно, тот, кто воспримет ее как не очень значимую, совершит неправильный выбор коммуникативных стратегий.

<...> В социокультурном контексте ситуации значимость будут иметь такие параметры культур, как индивидуализм/коллективизм (отсюда приоритет индивидуальных или коллективных целей) и различия в отношении к ситуациям неопределенности. Второй параметр определит степень легкости, с которой собеседник скорректирует свои ожидания в зависимости от развития ситуации. Соответственно, от этого будет зависеть успешность общения. В ситуационном контексте ситуации большую роль могут сыграть отличия в практических целях, а также умение правильно интерпретировать информацию, получаемую по контекстуальному каналу. От этого зависят наши умозаключения о целях и установках собеседника. Культурная обусловленность наших установок и ожиданий формирует следующие зоны риска:

1. У представителей коллективистских и индивидуалистических культур будут существовать различия в приоритетах;
2. У представителей культур с низкой терпимостью к неопределенности повышенная тревожность будет создавать трудности в общении;

3. Для достижения коммуникативной цели представители разных культур могут использовать высказывания разной иллокутивной силы, разной степени вежливости и т.д.;
4. В незнакомом контексте могут быть выведены неправильные умозаключения о целях и установках собеседника, особенно если мы опираемся на ложные стереотипы;
5. Различия в культурно-обусловленных сценариях типичных ситуаций могут порождать различия в системах ожиданий, например, в России преподаватель вуза может ожидать, что студенты встанут при его появлении в аудитории, а у американского преподавателя таких ожиданий не будет. Важным участком модели процесса коммуникации являются фоновые знания и ценностные ориентации собеседников.

Сопоставляя их с различными типами контекста, получаем следующее: в социокультурном контексте коммуникации большое значение будет иметь объем знаний о культуре собеседника и учет различий в культурных ценностях. В ситуационном контексте важно иметь информацию о собеседнике и о самой ситуации общения: будет ли общение формальным или неформальным, насколько существенны различия в статусах и т. д. Кроме того, успешность общения будет зависеть от того, сумеем ли мы подчеркнуть уважение к культурным ценностям собеседника. Таким образом, на этом участке модели процесса коммуникации зоны риска могут возникнуть, прежде всего, в связи с недостатком фоновых знаний и с нежеланием учитывать ценностные ориентации собеседника. Еще одним участком модели, на котором возникают зоны риска, следует считать коммуникативную компетенцию собеседников и умение анализировать информацию, поступающую по контекстуальному каналу. На этом этапе анализа нам необходим еще один параметр, который мы позаимствуем у Э. Холла, а именно его деление культур на низкоконтекстные и высококонтекстные. <...> Зона риска в отношении ситуационного контекста наиболее вероятна, если один из собеседников принадлежит к низкоконтекстной культуре и имеет недостаточный опыт общения с представителями высококонтекстной культуры. В первую очередь это касается степени формальности/неформальности ситуации, так как эта два типа культур сильно различаются по умению извлекать информацию из формализованного контекста. Поскольку разные культуры имеют различные культурно-обусловленные сценарии для типовых ситуаций, даже в случае хорошего владения языком общения есть опасность выбрать неправильные дискурсивные стратегии, неверные клише, задать невежливый вопрос и т. д. С другой стороны, возможна и неверная интерпретация дискурсивных стратегий собеседника, на что указывают В. Гудикунст и Й. Ким. <...>

<...> Проведенный нами анализ «зон риска» в межкультурной коммуникативной ситуации позволяет нам, с одной стороны, выявить структуру процесса возникновения коммуникативных неудач в зависимости от особенностей функционирования каждого компонента модели процесса

коммуникации, а с другой стороны, составить типологию КН с точки зрения возможных источников непонимания или недопонимания. Структура КН в условиях межкультурной коммуникации, с нашей точки зрения, может быть представлена следующим образом. У коммуникативной неудачи есть источник, и в ситуации межкультурной коммуникации этот источник находится в культурных различиях: в характеристиках культур и в культурных картинах мира участников ситуации. Источник приводит к различиям в понимании ситуации общения по одному или нескольким составляющим: по степени формальности/ неформальности, по значимости различия в социальных статусах, по степени приемлемости той или иной формы поведения и т. д. Эти различия формируют у каждого участника собственную систему ожиданий в отношении поведения собеседника, избираемой темы, формы обращения, формул вежливости и др. Далее отправитель сообщения совершает с точки зрения реципиент ошибку на уровне вербальной и/или невербальной организации своего сообщения: выбирает неверную форму обращения, использует неадекватную для культуры реципиента иллокутивную силу высказывания, выражается слишком прямо или наоборот и т. п. И на заключительной стадии возникает реакция реципиента, которая может блокировать дальнейшие пути для понимания: недоумение, ложное умозаключение о намерениях собеседника, о его отношении к реципиенту и т.д. <...>

<...> По источнику возникновения КН можно сгруппировать следующим образом. Первая группа КН включает те, источником которых являются различия в культурах по основным параметрам, выделенным Г. Хофстсде и Э. Холлом. Вторая группа включает те коммуникативные неудачи, источник которых находится в культурных картинах мира участников коммуникативной ситуации. Итак, наше исследование свидетельствует о том, что коммуникативные неудачи в процессе межкультурной коммуникации являются скорее закономерностью, чем исключением. Результаты анализа подтверждают наш первоначальный вывод о том, что факторы риска неизбежно вытекают из особенностей самой коммуникативной ситуации в условиях межкультурного общения. <...>

Нагорняк А. А. Виды коммуникативных неудач в ситуациях межкультурного общения. Международный журнал экспериментального образования. – 2013. – №7. – С. 95-98.

Ральф Л. Билз

АККУЛЬТУРАЦИЯ. ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРМИНА

Авторы, первыми использовавшие термин «аккультурация», не предпринимали попыток дать этому термину определение; тем не менее смысл его часто был ясен. Исследование Парсонс о Митла, по ее собственным словам, «посвящено аккультурации, т. е. тому, что индейская культура переняла от испанской». Для Парсонс аккультурация недвусмысленно означала лишь случаи синкретизации и очевидные случаи заимствований у испанцев. Хотя она и указывала, что результатом испано-индейского контакта в Мексике является новое, пребывающее в изменении сочетание, в аккультурацию не включались те аспекты данного смешения, в которых отсутствовал явно вычленимый европейский компонент. Так же из него исключались пережитки у индейцев и их новые организации и взаимоотношения, возникающие в качестве побочного результата смешения. Так же истолковывается аккультурация и в более ранней работе Парсонс. Несколько более широкое толкование термина было предложено в статье Билза, где в качестве аккультурации рассматривается целый комплекс процессов, происходящих при заимствовании, отвержении новых культурных элементов и реорганизации старой культуры.

Первое систематическое определение было дано Редфилдом, Линтоном и Херсковицем: «Аккультурация охватывает собою те явления, которые возникают в результате вхождения групп индивидов, обладающих разными культурами, в непрерывный непосредственный контакт, вызывающий последующие изменения в изначальных культурных паттернах одной из групп или их обеих». Несмотря на разностороннюю критику этого определения, данную позднее многими учеными, в том числе и самими авторами этого определения, а также несмотря на внесенные в него многочисленные модификации, оно до сих пор остается наиболее распространенным. <...>

<...> Можно с уверенностью утверждать, что аккультурационные исследования обычно рассматриваются как динамические по характеру и нацелены на изучение процесса. Такое их понимание, однако, не универсально, да и не все признают эту область исследования как таковую. Так, например, Дюбуа в книге, которую многие сочли бы, по крайней мере отчасти, аккультурационным исследованием, пишет: «Паттернирование и аккультурацию практически можно было бы употреблять как синонимы. Однако аккультурации, видимо, придается особый смысл. Чаще всего это слово используется для описания минимальных случаев подражания образцам, то есть таких случаев, в которых рассогласование, сопровождающее принятие инокультурных особенностей, берет верх над интеграцией. В частности, слово «аккультурация», судя по всему, использовалось для описания того случая, когда аборигенная культура, подорванная инородными

влияниями, возводит в идеал нечестную торговлю... В культурных явлениях разница между паттернированием, представляющим интеграцию, и аккультурацией, представляющей в лучшем случае частичную интеграцию, не всегда является очевидной».

<...> Несмотря на общее признание динамического характера аккультурационных исследований, принято говорить, особенно в США, о «степенях аккультурации» и «частично или полностью аккультурированных индивидах». В случае полностью аккультурированного индивида процесс аккультурации находит свое очевидное завершение, и мы говорим об аккультурации как о состоянии. Более того, трудно увидеть, чем же тогда значение слова «аккультурация» отличается от социологического значения термина «ассимиляция». Определение Редфилда, Линтона и Херсковица было модифицировано путем добавления, что «аккультурацию следует отличать от ассимиляции, которая иногда является одной из фаз аккультурации». Обычно подразумевается, что ассимиляция представляет собою ту форму аккультурации, в результате которой в группе индивидов первоначальная культура полностью вытесняется другой культурой (в противоположность тому случаю, когда в группе складывается «смешанная» культура). Употребление данного термина далеко от постоянства и ясности, а частое обращение к аккультурированным индивидам (а не группам) представляется особенно двусмысленным с точки зрения большинства формальных определений. Отчасти эти различия отражают доминирование либо институциональных и социокультурных, либо индивидуальных и психологических подходов. И наконец, полевые исследования аккультурации часто по существу описательны; в них излагаются результаты аккультурации без какой бы то ни было попытки выявить ее динамику.

В рамках определения, данного Редфилдом, Линтоном и Херсковицем, аккультурация должна рассматриваться как двусторонний процесс, оказывающий воздействие на обе группы, находящиеся в контакте. Если не брать в расчет редкие указания на то, что культура европейцев (прежде всего миссионеров, торговцев и чиновников колониальной администрации) претерпевает в результате контакта определенное изменение и что в Новом Свете испанская культура была модифицирована культурой индейцев, этому аспекту аккультурации уделялось исключительно мало внимания. <...>

Большинство дискуссий британских исследователей, посвященных проблеме культурного контакта, сконцентрированы исключительно на воздействии, которое оказывают европейские культуры на туземные. Фортес был едва ли не единственным, кто поднял вопрос о том, почему африканские участники контакта, такие, как хауса, моей, дагомба и фулани, оказывают меньшее влияние на противоположную сторону, чем европейцы. Вагнер аналогичным образом указывает на теоретическое значение азиатских контактов с Африкой. В США общие суждения обычно тщательно формулируются, дабы охватить собою все типы культурного контакта. На практике же большинство американских и буквально все латиноамериканские

исследования аккультурации сосредоточены на изучении влияния европейских культур на неевропейские. Можно обнаружить только разрозненные ссылки на доевропейские ситуации аккультурации, специальное же их исследование и анализ или слишком незначительны, или вовсе отсутствуют. Наиболее примечательные образцы работ об аккультурации, в которых не идет речь о европейской культуре, – это книга Линдгрен «Пример бесконфликтного культурного контакта: тунгусы-оленеводы и казаки в северо-западной Манчжурии», книга Эквалла «Культурные связи на ГаньсуТибетской границе» и статья Гринберга «Некоторые аспекты негритяно-мусульманского культурного контакта в племени хауса».

Некоторые другие исследования, в особенности исследования Роберта Редфилда, сконцентрированы на проблеме влияния городских культур на народные, или сельские [folk cultures]. Хотя Редфилд и остерегается применять к этой ситуации термин «аккультурация», большинство американских ученых, как мне кажется, именно так классифицируют его исследования.

Несколько отличаются по характеру исследования Херсковица, посвященные неграм Нового Света. Хотя автор и считает их исследованиями аккультурации, строго говоря, в изучаемой им ситуации отсутствуют такие «группы индивидов», которым посвящены многие британские исследования, проводимые в Африке. Скорее, утратившие свои корни индивиды изымаются из своего общества и своего культурного окружения и помещаются в новую культуру. Такое употребление термина свойственно многим исследователям-американистам, в том числе таким латиноамериканским ученым, как Артур Рамос. К тому же типу относятся исследования аккультурации немцев и японцев в Бразилии, проведенные Эмилио Виллемсом. Социологи также все шире и шире используют данный термин в этом значении, изучая адаптацию иммигрантов. Недавно Билзом было высказано предположение, что под углом зрения аккультурации могут быть изучены не только иммигрантские группы в США, но также и весь процесс урбанизации, будь то расширение городского влияния на население сельской местности или миграция сельского населения в город. Эта точка зрения высказывалась Грегори Бейтсоном в отношении контактов между группами, принадлежащими к одной культуре, хотя он и не проецировал ее на ситуации контакта в культуре европейского типа.

Из этого краткого обзора ясно видно, что и определения термина «аккультурация» (или «культурный контакт»), и его употребление разнообразны и неудовлетворительны. В то же время необходимо признать, что в настоящее время значительный пласт исследований с легкостью подпадает под категорию аккультурационных. Трудности коренятся прежде всего в определении границ этой области изучения и как минимум отчасти представляют собой трудности логического порядка. Можно было бы утверждать, что аккультурационные исследования не должны ограничиваться только теми ситуациями, в которые вовлечены культуры европейского типа, но фактически очень трудно обнаружить ситуации, в которые культуры европейского типа не оказывались бы вовлеченными. Тем не менее

представляется очевидным, что происходит переосмысление предмета изучения, особенно с точки зрения двустороннего характера аккультурации, ее связи с проблемой ассимиляции, а также правомерности распространения данного термина на изучение контакта между группами, принадлежащими к одной культуре, и на исследования мигрантских групп. <...>

R. Beals. Acculturation / Anthropology Today. Chicago, 1953. P. 621-625.

Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р.

СТРАТЕГИИ АККУЛЬТУРАЦИИ

Как мы видели, исходные определения аккультурации предполагали, что доминирование не является единственной формой взаимосвязи, и что культурная и психологическая гомогенизация не обязательно должна быть единственным возможным результатом межкультурного контакта. Почему это так? Многолетние наблюдения показывают, что люди имеют различные мнения о том, как они хотят жить после контакта. Они принимают различные стратегии аккультурации; не каждый индивид стремится к такому контакту, а среди тех, кто стремится к нему, не каждый согласен изменять свою культуру и поведение так, чтобы больше соответствовать другой (часто доминирующей) группе. В 1936 году Редфилд отметил, что ассимиляция не является единственной формой аккультурации; имеются и другие ее способы. Принимая это утверждение за отправную точку, Берри сначала провел различие между стратегиями ассимиляции и интеграции, а позже между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами, с помощью которых может осуществляться аккультурация (как групп, так и отдельных людей). Эти различия влекут за собой два параметра, которые основаны на ориентациях на собственную группу и на другие группы. Первый параметр понимается как относительное предпочтение сохранить свое культурное наследие и идентичность (проблема 1), а второй – как относительное предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами (проблема 2). <...>

<...> С точки зрения не доминирующих этнокультурных групп, когда индивиды не желают поддерживать свою культурную идентичность и стремятся к повседневному взаимодействию с другими культурами, этим определяется стратегия ассимиляции. Напротив, когда люди придают значение сохранению своей собственной культуры и в то же время хотят избежать взаимодействия с другими культурами, тогда определяется альтернативная стратегия сепарации. Если существует обоюдная заинтересованность в сохранении первоначальной культуры, при повседневном взаимодействии с другими группами, выбором становится стратегия интеграции; здесь поддерживается некоторая степень культурной

интеграции, тогда как члены этнокультурной группы стремятся взаимодействовать в качестве неотъемлемой части большой социальной сети. И, наконец, когда существует мало возможностей или заинтересованности в сохранении своей культуры (часто по причине ее вынужденной потери), и незначительная заинтересованность во взаимосвязи с другими группами (часто по причинам исключения или дискриминации), то этим определяется стратегия маргинализации.

Это понятие предполагает, что не доминирующие группы и их отдельные представители обладают свободой выбора, как вовлекаться в межкультурные отношения. Конечно, так бывает не всегда. Когда доминирующая группа принуждает поддерживать определенные виды взаимоотношений или ограничивает выбор не доминирующих групп или индивидов, тогда необходимо использовать другие термины. Это наиболее четко проявляется в случае интеграции, которая может лишь «свободно» выбираться и успешно выполняться не доминирующими группами, когда доминирующее общество открыто и может включать в себя ориентацию на культурное разнообразие. Таким образом, чтобы достичь интеграции, необходима взаимная приспособляемость, в том числе принятие доминирующими и не доминирующими группами права для всех групп жить как культурно различные народы в пределах одного общества. Эта стратегия диктует не доминирующим группам требование принять основные ценности большого общества, в то время как доминирующая группа должна быть готова адаптировать национальные институты (например, образование, здравоохранение, трудовые отношения) таким образом, чтобы лучше удовлетворять потребности всех групп, проживающих совместно в плюралистическом обществе (поддерживать мультикультурные взгляды плюралистического общества).

Очевидно, что стратегия интеграции может существовать лишь в обществах, явно мультикультурных, в которых утверждены определенные психологические предпосылки. К ним относятся: повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества (наличие положительной мультикультурной идеологии); относительно низкий уровень предубеждений (минимальные этноцентризм, расизм и дискриминация); положительные взаимные отношения между этнокультурными группами (никаких особых проявлений межгрупповой ненависти), а также ощущение принадлежности к большому обществу и отождествления себя с ним у всех индивидов и групп.

Практически понятно, что интеграция (и сепарация) может достигаться лишь тогда, когда достаточное число представителей этнокультурной группы также разделяют стремление сохранить ее культурное наследие. Были отмечены и другие ограничения выбора стратегии аккультурации. Например, те индивиды, чьи физические особенности выделяют их из общества поселения (например, корейцы в Канаде или турки в Германии), могут

страдать от предубеждений и дискриминации и, как следствие, не поддаваться ассимиляции, чтобы не быть отвергнутыми.

Обе эти основные проблемы первоначально затрагивались лишь с точки зрения не доминирующих этнокультурных групп. Однако первоначальные определения четко устанавливают, что обе контактирующие группы подверглись бы аккультурации. Поэтому в 1974 году был добавлен третий параметр: важность роли, которую играет доминирующая группа при оказании влияния на способ осуществления взаимной аккультурации. Введение этого параметра привело к удвоению структурной схемы. Ассимиляцию, если к ней будет стремиться доминирующая группа, можно будет назвать «плавильным котлом». Когда сепарация востребована и навязана доминирующей группой, это – «сегрегация». Для маргинализации, когда она проводится доминирующей группой, – это форма «исключения» (в экстремальной форме она становится «этноцидом»). Наконец для интеграции, когда культурное разнообразие является целью всего общества, она представляет стратегию взаимного приспособления, сейчас ее повсеместно именуют мультикультурализмом.

Существуют сотни исследований, которые изучают стратегии аккультурации в не доминирующих аккультурирующихся группах. Обычно разрабатывается одна шкала для каждой из четырех стратегий, что дает оценки для позиций ассимиляции, интеграции, сепарации и маргинализации. Иногда измеряются два основных параметра (сохранение культуры и участие в жизни общества). В нескольких исследованиях используются четыре «виньетки», каждая из них изображает одну из четырех стратегий. В большинстве исследований предпочтение отдается интеграции – по сравнению с другими тремя стратегиями, где наименее предпочитаемой является маргинализация. Одним из наиболее известных примеров исключения из правил является положение турок в Германии и более низкий социально-экономический статус турок в Канаде, которые отдавали предпочтение сепарации, а не интеграции. Аналогичный результат был получен для некоторых туземных народов, живущих в различных частях мира; но в большинстве случаев предпочтение все же отдается интеграции. <...>

Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – С. 381-384.

Почебут Л. Г.

АККУЛЬТУРАЦИЯ

Аккультурация (acculturation – английский неологизм от лат. Ad и cultura – возделывание) – процесс и результат взаимовлияния культур. Впервые проблему аккультурации поставили английские этнографы во второй

половине XIX в. Поскольку они еще не были свободны от идеи этноцентризма в понимании культурных различий, то стали употреблять термин «аккультурация» для обозначения процесса уподобления или передачи элементов одной культуры другой. В 20–30-х гг. XX в. изучали аккультурацию как влияние «белой» американской культуры на индейцев и афроамериканцев (М. Мид, Р. Линтон и др.). В ходе этих исследований были выделены донорская и реципиентная группы, определены типы воздействия: акцептация (полное принятие), адаптация (приспособление), реакция (отторжение) элементов донорской культуры. В результате ученые пришли к пониманию равноценности и равнозначности культур и сформулировали принцип культурного релятивизма (Ф. Боас и его коллеги).

Под аккультурацией Д. Мацумото понимает усвоение новой культуры, что приводит к изменениям, которые происходят в результате продолжительного непосредственного контакта представителей разных культур.

В настоящее время изучают взаимовлияние доминантных и недоминантных этнокультурных групп. Дж. Берри (J. Berry) выделяет два типа аккультурации: социальную (или культурную) и психологическую.

Социальная аккультурация – это изменения, которые возникают в культуре и обществе в результате контакта между культурными группами.

Психологическая аккультурация происходит в психике конкретного человека как итог контакта с представителями другой культуры.

Варианты взаимодействия доминантных и недоминантных этнокультурных групп описываются как процессы интеграции, изоляции, ассимиляции и маргинализации.

Берри различает также процессы инкультурации и аккультурации.

Инкультурация – это процесс освоения первоначального культурного контекста.

Аккультурация – это процесс, который претерпевает человек в результате изменения культурного контекста.

Таким образом, инкультурация предполагает освоение родной культуры, аккультурация – вхождение в чужую, новую культуру. Аккультурация затрагивает те психологические явления, которые происходят с людьми, когда они вступают в длительный непосредственный контакт с представителями других культур, изменяя свои паттерны поведения. Берри отмечает, что эти изменения могут вызывать стресс аккультурации.

Стресс аккультурации – это реакции, превышающие возможности человека справляться с событиями жизни, связанными с межкультурными контактами. Часто эти реакции означают повышение уровня депрессии (что связано с чувством культурной утраты) и беспокойства (что связано с неуверенностью в том, что нужно и можно жить в новом обществе). Феномен стресса аккультурации схож с феноменом куль турного шока, предложенного К. Обергом. Проявления симптомов культурного шока могут быть самыми разнообразными: частое мытье рук и озабоченность вопросами санитарии, боязнь физических контактов с другими людьми, рассеянность,

психосоматические расстройства, бессонница, опасение быть обманутым, недоверие, ностальгия и пр.

Г. Триандис (H. Triandis) и его коллеги предложили три модели аккультурации и доказали, что разные модели приводят к формированию разных культурных характеристик.

1. Модель аккомодации – усвоение человеком некоторых форм поведения, не соответствующих традиционному, привычному. Аккомодация означает, что человек не полностью отказывается от родных культурных паттернов, но в то же время использует и новые для него паттерны.
2. Модель отклонения от нормативных представлений, приверженность новому образу жизни даже в большей степени, чем у представителей культуры, чужой для мигранта. Некоторые представители мигрантов, отмечает Г. Триандис, становятся большими «экстремистами» в демонстрации своей приверженности новому образу жизни, чем носители основной культуры.
3. Модель этнической аффилиации означает приверженность собственной культуре, ее сохранение и развитие.

Таким образом, мы можем утверждать, что аккультурация представляет собой континуум адаптационных форм поведения. В исследованиях Г. Триандиса было обнаружено, что дети новых мигрантов проявляют приверженность новой культуре, стараются стать похожими на детей страны пребывания. Но внуки этих мигрантов чаще выбирают модель этнической аффилиации, чувствуют себя более комфортно, подчеркивая свою этническую принадлежность для выделения себя из основной массы других детей.

Многочисленные исследования установили, что адаптация мигрантов к новой культуре имеет форму U-образной кривой.

Первая фаза: мигранты (дипломаты, туристы, бизнесмены, студенты и пр.) начинают свое знакомство с другой культурой с оптимизмом и положительным настроем. Их часто приглашают в гости коллеги, организуя встречи и мероприятия, чтобы они почувствовали себя как дома.

Вторая фаза: люди испытывают трудности, связанные с языковыми барьерами, отсутствием привычных мест проживания, устройством детей в подходящую школу или колледж, транспортными проблемами и т. д. В этот период люди стремятся к контактам с соотечественниками, обмениваясь с ними впечатлениями о том, «как ужасны местные жители». Ощущение потери контроля над ситуацией нарастает, симптомы культурного шока становятся все многочисленнее и интенсивнее, развивается депрессия.

Третья фаза: наступает пик всех проявлений. Люди хотят вернуться на родину, признать поражение в своих попытках адаптироваться. Затем они могут заставить себя начать изучать обычаи и специфику местной культуры, пытаясь справиться со своими переживаниями.

Четвертая фаза: люди приобретают новые навыки и начинают достаточно успешно справляться с жизнью в чужой стране. Депрессивные состояния ослабевают, возвращается чувство оптимизма.

Пятая фаза: люди полностью осваивают навыки взаимодействия с новой культурой, возникает взаимопонимание с другими людьми.

Таким образом, человек в период прохождения U-образной кривой аккультурации испытывает следующие чувства: чувствует себя хорошо, плохо, очень плохо, лучше, хорошо, очень хорошо. Естественно, не все люди проходят данные фазы. Туристы обычно возвращаются домой после первой фазы. Эмигранты могут вернуться в период третьей фазы, испытывая пик ностальгии. Однако те, кто смог выдержать и дойти до пятой фазы, способны остаться жить и работать в другой культурной среде. Следует заметить, что не все люди переживают культурный шок или стресс аккультурации в равной степени. Возвращаясь домой из чужой страны, люди в большей или меньшей степени проходят такой же цикл аккультурации, который изображают U-образной кривой, они вынуждены адаптироваться к изменениям образа жизни, отличного от заграничного.

Почебут Л. Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. – СПб.:Питер, 2012. – С. 90-93.

В. А. Тишков

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДИАСПОРЫ

Наиболее употребляемое современное понятие диаспоры – обозначение совокупности населения определенной этнической или религиозной принадлежности, которое проживает в стране или районе нового расселения. Однако это хрестоматийное понимание, как и более сложные дефиниции, встречающиеся в отечественных текстах, малоудовлетворительно, ибо имеет ряд серьезных недостатков. Первое – это слишком расширенное понимание категории диаспора, включающее все случаи крупных человеческих перемещений на транснациональном и даже на внутригосударственном уровнях в исторически обозримой перспективе. Другими словами, косовские адыги, румынские липоване и русские в США - это безусловная российская внешняя диаспора, а московские осетины, чеченцы и ингуши — это внутренняя диаспора. Московские и ростовские армяне – это бывшая внутренняя, а ныне внешняя диаспора государства Армении в России. В этом случае под категорию диаспоры подпадают огромные массы населения, а в случае с Россией – это, возможно, цифра, равная нынешнему населению страны. <...>

Подлинную проблему представляет не сам факт слишком большой численности диаспоры (такую проблему скорее создал для государства упомянутый выше закон, предусматривающий выдачу «удостоверений соотечественников» по всему миру). Диаспоры в их традиционном значении могут превышать население стран исхода, и у России в силу ряда

исторических обстоятельств суммарная эмиграция была действительно многочисленной, как и у ряда других стран (Германия, Великобритания, Ирландия, Польша, Китай, Филиппины, Индия и др.). Проблема с традиционным определением диаспоры состоит в опоре этого определения на объективные факторы самого акта перемещения человека или его предков из одной страны в другую и сохранения особого чувства привязанности к «исторической родине». <...>

Вторая слабость общепринятого определения диаспоры состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой распространенный случай образования диаспоры – перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве. Так создается ощущение реальности, имеющей политическую метафору «разделенного народа» как некой исторической аномалии. И хотя «неразделенных народов» история почти не знает (административные, государственные границы никогда не совпадают с этнокультурными ареалами), эта метафора составляет один из важных компонентов идеологии этнонационализма, который исходит из утопического постулата, что этнические и государственные границы должны совпадать в пространстве.

Однако эта важная оговорка не отменяет сам факт образования диаспоры в результате изменения государственных границ. Проблема только в том, по какую сторону границы появляется диаспора, а по какую – «основная территория проживания». С Россией и русскими после распада СССР, казалось бы, все ясно: здесь «диаспора» однозначно располагается за пределами Российской Федерации. Хотя эта новая диаспора (в прошлом ее не было вообще) тоже может быть исторически изменчивой и вариант самостоятельной «балто-славянскости» вполне может заместить нынешнюю пророссийскую идентификацию данной категории русских. <...>

В последнее время в отечественной литературе встречается понятие «диаспорных народов» применительно к российским национальностям, не имеющим «своей» государственности (украинцы, греки, цыгане, ассирийцы, корейцы и пр.). В Миннаце России даже появился департамент по делам диаспорных народов, и тем самым академическая новация подкрепилась бюрократической процедурой. Диаспорой стали называть и часть нерусских граждан страны, проживающих за пределами «своих» республик (татарская, чеченская, осетинская и другие диаспоры). В некоторых республиках принимаются официальные документы и пишутся научные труды по поводу «их» диаспор.

Обе указанные вариации представляются нам порождением все той же несостоятельной доктрины этнонационализма (на советском жаргоне – «национально-государственного устройства») и деформированной под ее воздействием практики. Сибирские, астраханские и даже башкирские или московские татары – это автохтонные жители соответствующих российских

регионов, причем обладающие большим культурным отличием от казанских татар, и они ничьей диаспорой не являются. Общероссийская лояльность и идентичность вместе с чувством принадлежности к данным локальным группам татар подавляют ощущение некой разделенности с татарами «основной территории проживания». Хотя в последние годы Казань довольно энергично внедряет политический проект «татарской диаспоры» за пределами соответствующей республики.

У этого проекта есть некоторые основания, ибо Татарстан сегодня - основной очаг татарского культурного производства, опирающийся на автономную государственность. И все же к татарской диаспоре следует относить скорее татар в Литве или Турции, чем татар в Башкирии. Но и здесь многое зависит от выбора точки зрения. Литовские татары появились в конце XVI в., имели свое княжество и ныне вполне могут сформулировать автохтонный, а не диаспорный проект. Вместе с тем еще лучше замерить, т. е. определить ощущение и поведение самих татар в разных местонахождениях.

Как известно на примере неоднократных и массовых реконструкций татаро-башкирской идентичности в XX в., данные ощущения исторически могут быть очень подвижными. Только после этого можно осуществлять категоризацию той или иной культурно-отличительной группы населения как диаспоры. Именно эти два аспекта исторической ситуативности и личностной идентификации не учитывает господствующий в отечественной науке традиционный (объективистский) подход к феномену диаспоры.

Более нюансировано обсуждение проблем диаспоры в зарубежной науке (преимущественно в историографии и социально-культурной антропологии), но и здесь есть ряд слабых мест, несмотря на интересные теоретические разработки. В первом номере нового англоязычного журнала «Диаспора» один из его авторов Уильям Сэфрэн делает попытку определить, что составляет содержание исторического термина диаспора, под которой он понимает «экспатриированную общину меньшинства». Называется шесть отличительных характеристик таких общин: рассеянность из первоначального «центра» по крайней мере в два «периферийных» места; наличие памяти или мифа о «первородине» (homeland); «вера, что они не являются и не будут полностью приняты новой страной»; видение первородины как места неизбежного возвращения; преданность поддержке или восстановлению этой родины; наличие групповой солидарности и чувства связи с первородиной. В рамках такого определения бесспорными (но не без исключений!) выглядят армянская, магрибская, турецкая, палестинская, кубинская, греческая и, возможно, современная китайская и прошлая польская диаспоры, однако ни одна из них не подходит под «идеальный тип», который Сэфрэн фактически сконструировал на примере еврейской диаспоры. Но даже и в последнем случае имеется масса несоответствий. Во-первых, евреи не представляют собой единую группу, они хорошо интегрированная и высокостатусная часть основного населения в ряде стран, во-вторых, большинство евреев не желает «возврата» на первородину, в-третьих, «групповая солидарность» – это тоже

миф, который, кстати, жестко отвергается самими евреями, если заходит речь о «еврейской солидарности», «еврейском лобби» в политике, экономике или академической среде.

Приведенное выше и широко распространенное описание имеет еще один серьезный недостаток: в его основе лежит идея «центрированной» диаспоры, т.е. наличия одного и обязательного места исхода и обязательной связи с этим местом, особенно через метафору возвращения. Большинство исследований по ряду регионов мира показывает, что наиболее распространен вариант, который иногда называют квазидиаспорой. Он демонстрирует не столько ориентацию на культурные корни в каком-то особом месте и желание возврата, сколько стремление воссоздавать культуру (часто в сложной и обновленной форме) в различных местонахождениях.

<...> Джеймс Клиффорд – автор одного из лучших очерков о теории диаспоры, пишет, что в разные времена своей истории в обществах диаспоризм может вспыхивать и затухать (wax and wane) в зависимости от меняющихся возможностей (установление и снятие преград, антагонизмы и связи) в принимающей стране и на трансгосударственном уровне». Мы бы только добавили в пользу историко-ситуативного и личностно-ориентированного подхода к трактовке диаспоры то обстоятельство, что не меньшее значение для динамики диаспоры имеют меняющиеся возможности в стране исхода, если таковая есть у диаспоры. Открывшиеся возможности быстрой «личной удачи» и занятия престижных должностей в странах бывшего СССР пробудили в «дальнем зарубежье» гораздо больше диаспорности, чем рутинное желание послужить «исторической родине», которое, казалось было, должно быть всегда.

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – С. 435-440.

Резолюция 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 года

КОНВЕНЦИЯ О ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Часть I

Статья 1.

Для целей настоящей Конвенции понятие «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области.

Статья 2.

Государства-участники осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, соглашаются безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин и с этой целью обязуются:

a) включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство, если это еще не было сделано, и обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление этого принципа;

b) принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин;

c) установить юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и обеспечить с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин против любого акта дискриминации;

d) воздерживаться от совершения каких-либо дискриминационных актов или действий в отношении женщин и гарантировать, что государственные органы и учреждения будут действовать в соответствии с этим обязательством;

e) принимать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин со стороны какого-либо лица, организации или предприятия;

f) принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин;

g) отменить все положения своего уголовного законодательства, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин.

Статья 3.

Государства-участники принимают во всех областях, и в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, с тем чтобы гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами.

Статья 4.

1. Принятие государствами-участниками временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается, как это определяется настоящей Конвенцией, дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов;

эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения,

2. Принятие государствами-участниками специальных мер, направленных на охрану материнства, включая меры, содержащиеся в настоящей Конвенции, не считается дискриминационным.

Статья 5.

Государства-участники принимают все соответствующие меры с целью:

a) изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин;

b) обеспечить, чтобы семенное воспитание включало в себя правильное понимание материнства как социальной функции и признание общей ответственности мужчин и женщин за воспитание и развитие своих детей при условии, что во всех случаях интересы детей являются преобладающими.

Статья 6.

Государства-участники принимают все соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации проституции женщин.

Часть II

Статья 7.

Государства-участники принимают все соответствующие меры по ликвидации дискриминации в отношении женщин в политической и общественной жизни страны<...>

Статья 8.

Государства-участники принимают все соответствующие меры, чтобы обеспечить женщинам возможность на равных условиях с мужчинами и без какой-либо дискриминации представлять свои правительства на международном уровне и участвовать в работе международных организаций.

Статья 9.

1. Государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении приобретения, изменения или сохранения их гражданства. Они, в частности, обеспечивают, что ни вступление в брак с иностранцем, ни изменение гражданства мужа во время брака не влекут за собой автоматического изменения гражданства жены, не превращают ее в лицо без гражданства и не могут заставить ее принять гражданство мужа.

2. Государства-участники предоставляют женщинам равные с мужчинами права в отношении гражданства их детей.

Часть III

Статья 10.

Государства-участники принимают все соответствующие меры для того, чтобы ликвидировать дискриминацию в отношении женщин, с тем чтобы обеспечить им равные права с мужчинами в области образования <...>

Статья 1.

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области занятости, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин равные права <...>

2. Для предупреждения дискриминации в отношении женщин по причине замужества или материнства и гарантирования им эффективного права на труд государства-участники принимают соответствующие меры для того, чтобы:

a) запретить, под угрозой применения санкций, увольнение с работы на основании беременности или отпуска по беременности и родам или дискриминацию ввиду семейного положения при увольнении;

b) ввести оплачиваемые отпуска или отпуска с сопоставимыми социальными пособиями по беременности и родам без утраты прежнего места работы, старшинства или социальных пособий;

c) поощрять предоставление необходимых дополнительных социальных услуг, с тем чтобы позволить родителям совмещать выполнение семейных обязанностей с трудовой деятельностью и участием в общественной жизни, в частности посредством создания и расширения сети учреждений по уходу за детьми;

d) обеспечивать женщинам особую защиту в период беременности на тех видах работ, вредность которых для их здоровья доказана. <...>

Статья 12.

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин доступ к медицинскому обслуживанию, в частности в том, что касается планирования размера семьи.

2. Независимо от положении пункта 1 настоящей статьи, государства-участники обеспечивают женщинам соответствующее обслуживание в период беременности, родов и послеродовой период, предоставляя, когда это необходимо, бесплатные услуги, а также соответствующее питание в период беременности и кормления.

Статья 13.

Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в других областях экономической и социальной жизни, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин равные права, в частности:

a) право на семейные пособия;

b) право на получение займов, ссуд под недвижимость и других форм финансового кредита;

c) право участвовать в мероприятиях, связанных с отдыхом, занятиях спортом и во всех областях культурной жизни.

Статья 14.

1. Государства-участники принимают во внимание особые проблемы, с которыми сталкиваются женщины, проживающие в сельской местности, и значительную роль, которую они играют в обеспечении экономического благосостояния своих семей, в том числе их деятельность в нетоварных отраслях хозяйства, и принимают все соответствующие меры для обеспечения применения положений настоящей Конвенции к женщинам, проживающим в сельской местности.

2. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин в сельских районах, с тем чтобы обеспечить на основе равенства мужчин и женщин их участие в развитии сельских районов и в получении выгод от такого развития <...>

Часть IV

Статья 15.

1. Государства-участники признают за женщинами равенство с мужчинами перед законом.

2. Государства-участники предоставляют женщинам одинаковую с мужчинами гражданскую правоспособность и одинаковые возможности ее реализации. Они, в частности, обеспечивают им равные права при заключении договоров и управлении имуществом, а также равное отношение к ним на всех этапах разбирательства в судах и трибуналах.

3. Государства-участники соглашаются, что все договоры и все другие частные документы любого рода, имеющие своим правовым последствием ограничение правоспособности женщин, считаются недействительными.

4. Государства-участники предоставляют мужчинам и женщинам одинаковые права в отношении законодательства, касающегося передвижения лиц и свободы выбора места проживания и местожительства.

Статья 16.

1. Государства-участники принимают все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений <...>.

2. Обручение и брак ребенка не имеют юридической силы, и принимаются все необходимые меры, включая законодательные, с целью определения минимального брачного возраста и обязательной регистрации браков в актах гражданского состояния.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (Дата обращения: 26.03.2018).

А. Я. МАКАРОВ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И РОССИЯ

Миграция уже на протяжении многих десятилетий остается одним из важнейших социальных процессов, происходящих в европейских странах. Интенсивность притока иноэтнических мигрантов там резко возросла еще в 60–70-е годы прошлого столетия, тогда как у нас эти процессы усилились лишь в последние два десятилетия. Страны Европы накопили гораздо больше опыта позитивного и негативного – по интеграции мигрантов и их детей в принимающее сообщество. Во многом наши сегодняшние проблемы и трудности схожи с теми, которые испытывали европейские страны еще 10–15 лет назад. В связи с этим представляется важным проанализировать, насколько те или иные модели интеграции мигрантов и их детей применимы в российской системе образования.<…>

Во многом проблемы в разных европейских государствах схожи. Это недостаточная успешность обучения детей мигрантов, большое количество не получивших аттестат, слабое знание языка, как следствие их большая представленность в школах для детей с отставанием в развитии. Во-вторых, это случаи ущемления прав детей мигрантов или дискриминация, в-третьих, недостаточная подготовка педагогов для работы с такими детьми.<…>

Сегодня работа по социокультурной адаптации детей из семей мигрантов в системе образования продолжает вестись на всех уровнях. В связи с притоком иноэтнического населения подвергается изменениям система образования в целом, принимаются адаптационные программы и методики на уровне отдельных школ, все больше в процесс адаптации детей мигрантов вовлекаются дошкольные учреждения, разрабатываются различные формы внешкольной работы, такие как летние языковые курсы, поддержка талантливых детей, организация групп продленного дня и т. п.<…>

В связи с тем, что часто детям мигрантов уже на начальной ступени образования не хватает необходимых навыков и знаний и их обучение в общей группе бывает затруднено, все большее распространение получают ранние образовательные программы, цель которых подготовить детей из семей мигрантов к школе и улучшить их адаптацию в образовательной среде. Эти программы охватывают весь период дошкольного обучения. Так, для детей от года до трех лет предназначены так называемые «home based programs», предполагающие регулярное посещение представителями социальных служб домов и квартир, где живут мигранты. Родителям оказывается информационная, а иногда и материальная поддержка, их детям, помимо специальных учебных и воспитательных занятий, обеспечивается регулярное медицинское наблюдение и уход. Более старшим детям адресованы уже «centre-based programs», которые предполагают посещение детьми и их родителями специальных центров раннего развития. Такие центры, впервые появившиеся в США, сегодня успешно действуют в Испании, Германии и

Голландии. Обучение в них обычно ведется сразу на двух языках – родном и государственном, и основной задачей является не трансляция как можно большего объема фактических знаний, а создание у детей и родителей необходимых стимулов и мотивации для продолжения учебы и освоения государственного языка. В Голландии, например, такие центры организуются обычно на базе традиционных детских садов, где формируются гомогенные по этническому составу группы численностью не более 16 человек. С группой работают сразу два преподавателя, один из которых является представителем той же этнической группы, что и члены группы. Обучение ведется преимущественно в игровой форме, а родители имеют возможность получить на дом пособия и дидактические материалы для самостоятельного занятия с детьми.<…>

Решению задачи культурной адаптации детей мигрантов в европейских странах также уделяется огромное внимание. Школа в связи с этим рассматривается как главный агент культурной социализации, причем не только для первого поколения мигрантов – практически все адаптационные программы здесь рассчитаны также и на второе, и даже третье поколение мигрантов. Для уменьшения культурной дистанции в учебные планы вводятся элементы культуры стран эмиграции, для работы в школах все чаще принимаются на работу учителя, имеющие некоренное происхождение.

Помимо государства, немалую поддержку школам, реализующим программы по адаптации мигрантов, оказывают неправительственные организации, благотворительные фонды, мигрантские общины, организации волонтеров. К примеру, в Великобритании при многих муниципалитетах существуют службы поддержки этнических меньшинств (Ethnic Minority Achievement Services) – организации, состоящие из команды опытных педагогов, которые работают в тесной связи со школами, родителями и этническими сообществами. Подобные организации существуют и в некоторых регионах Германии (Regionale Arbeitsstellen zur Förderung von Kinder und Jugendlichen aus Zuwanderfamilien), но здесь они больше ориентированы на внешкольную деятельность – организацию спортивных и культурных мероприятий.

Кроме финансовой поддержки, правительства европейских стран оказывают содействие в проведении исследований, посвященных социокультурной адаптации детей мигрантов в системе образования. Эти исследования рассматриваются здесь как реальная сила, способная помочь в реализации намеченных мер и предложить новые. Регулярно проводятся исследования, посвященные языковой адаптации мигрантов, изучается эффективность различных методик обучения, проходят лонгитюдные исследования, призванные оценить принимаемые меры в долгосрочной перспективе.<…>

Анализ мер, принимаемых в системе образования европейских стран по адаптации детей из семей мигрантов, был бы неполным, если бы мы не коснулись рассмотрения внешкольной деятельности. Между тем,

внешкольная и внеучебная деятельность способна в значительной степени помочь в реализации комплекса мер по социокультурной адаптации мигрантов, сделать процесс погружения в иноэтническую и инокультурную среду более плавным и безболезненным. Кроме того, сфера внешкольной деятельности содержит гораздо больше возможностей для применения нестандартных и творческих решений, методик и организационных форм.<…>

Другая распространенная форма внешкольной поддержки детей и подростков из семей мигрантов – это летние языковые лагеря. Эти лагеря, помимо многочасовой языковой практики, по- могают общей социализации детей, их социальной интеграции в новом социуме.<…>

Если же говорить о позитивном опыте, который можно было бы с успехом применить у нас в стране, то это в первую очередь снижение возрастной планки и начало адаптации детей мигрантов уже в первые годы жизни на базе детских садов, социальных служб и специальных адаптационных центров. На наш взгляд, было бы также полезно вести работу не только с самими детьми, но и с их родителями, для того чтобы мотивировать их дать детям образование, повысить их компетентность в сфере образования. Хорошие результаты может дать интеграция элементов культуры этнических меньшинств в образовательную программу и внешкольную деятельность, а также привлечение к работе по адаптации детей мигрантов самих представителей этнических меньшинств, уже сумевших успешно интегрироваться в принимающем сообществе. Наряду с этим можно перенять опыт привлечения волонтеров из внешкольной среды – из благотворительных ассоциаций, мигрантских общин, спортивных и культурных учреждений для организации работы с талантливыми детьми из мигрантской среды.

Также необходимо ускорить подготовку квалифицированных педагогов для работы с детьми мигрантов, чему может содействовать создание специализированных курсов в педагогических вузах и центрах повышения квалификации, а также организация практик по работе с такими детьми в ходе обучения студентов.

А.Я.Макаров. Социокультурная адаптация детей мигрантов в сфере образования: Европейский опыт и Россия// Возрастные особенности формирования толерантности. М.,2013.С. 126 -139.